

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

ТРЕТИЙ БЛИЗНЕЦ

Кен Фоллетт
Третий близнец
Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156944

Третий близнец : [роман] / Кен Фоллетт; [пер. с англ. Н. Рейн]: ООО

«Издательство АСТ»; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-106925-4

Аннотация

Запрещенные эксперименты над людьми тайно проводятся в «политически корректной» Америке по заказу очень могущественных людей. Это кажется бредом. Однако молодая женщина-генетик, случайно получившая доступ к секретным файлам ФБР, уверена – это правда! Она начинает собственное расследование. Она идет все дальше – и узнает все больше. Сначала ей просто пытались заткнуть рот. Теперь ее пытаются уничтожить!...

Содержание

Воскресенье	5
1	5
2	16
3	63
4	73
Понедельник	88
5	88
6	105
7	121
8	138
9	161
10	173
11	181
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Кен Фоллетт

Третий близнец

*Посвящается моим приемным детям
Джен Тернер, Ким Тернер и Адаму Броеру*

© Ken Follet, 1996

©Перевод. Н. Рейн, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Воскресенье

1

Жара накрыла Балтимор удушливой волной. В зеленом пригороде воздух охлаждали специальные устройства, орошающие сотни лужаек, но местные жители предпочитали отсиживаться в домах с кондиционерами, включенными на полную мощность. Апатичные шлюхи, норовившие укрыться в тени деревьев на Северной авеню, потели в своих париках; юнцы, промышлявшие наркотой в переулках, доставали зелье из карманов мешковатых шорт. Стоял конец сентября, а осенью еще и не пахло.

Кое-где проржавевший белый «датсун» с разбитой фарой, заклеенной куском изоляционной ленты, медленно двигался по улицам северного рабочего пригорода, населенного преимущественно белыми. Кондиционера в машине не было, поэтому водитель опустил все стекла. Это был красивый молодой человек лет двадцати двух в отрезанных выше колен джинсах, чистой белой футболке и красной бейсболке, на которой белыми буквами было написано «Охрана». Сиденье уже давно стало липким от пота, но его это, похоже, ничуть не беспокоило. Настроение у него было прекрасное. Радиоприемник в машине был настроен на волну 92-Кью – «Два-

дцать самых крутых хитов подряд». Рядом лежала раскрытая папка. Время от времени он заглядывал в нее, стараясь запомнить перечень напечатанных на странице технических терминов. На следующий день ему предстояло сдавать экзамен. Учеба давалась ему легко, весь этот список он мог выучить за несколько минут.

На красный свет рядом с ним остановился «порше» с откидным верхом. Он широко улыбнулся сидевшей в нем блондинке.

– Славная у вас тачка!

Женщина молча отвернулась, но уголки ее губ дрогнули в улыбке. Огромные солнечные очки скрывали пол-лица, из чего он сделал вывод, что дама, очевидно, вдвое старше, чем показалось на первый взгляд: это относилось к большинству женщин, ездивших в «порше».

– Устроим гонки? – предложил он. – Кто первый до следующего светофора?

Она рассмеялась соблазнительным мелодичным смехом, положила узкую элегантную руку на переключатель скоростей и, едва загорелся зеленый, рванула вперед, как ракета.

Он пожал плечами:

– Я только учусь.

А вот и цель поездки – утопающий в тени деревьев кампус университета Джонс-Фоллз, куда более шикарного, чем тот, который посещал он. Когда он въезжал в ворота, мимо трусцой пробежали восемь или десять женщин в спортивной

форме – облегающих шортах, кроссовках «Найк», мокрых от пота футболках и солнцезащитных козырьках. Команда по хоккею на траве на тренировке, догадался он, впереди капитан, и все, похоже, в прекрасной форме.

Группа свернула к кампусу, и тут вдруг он отчетливо представил себе нечто такое, от чего у него перехватило дыхание. Он едва мог вести машину. Он представил себе этих женщин в душевой. Вон та полненькая намыливает тело мылом, рыжеволосая вытирает полотенцем медно-рыжие волосы, чернокожая девушка по очереди поднимает длинные ноги и влезает в белые кружевные трусики. А капитанша расхаживает по раздевалке в чем мать родила, поигрывая мускулами, готовая в случае опасности защитить своих подопечных. И тут вдруг все они, вытаращив глаза, начинают метаться по раздевалке с пронзительными истерическими криками. Бегают взад-вперед, наталкиваются друг на друга. Пышечку сбивают с ног, и она лежит на полу и рыдает, а все остальные, то и дело наступая на нее, бестолково мечутся, пытаются спрятаться или просто убежать куда глаза глядят от грозящей им опасности.

Он остановился у обочины и сидел в машине, хватая ртом воздух и чувствуя, как бешено колотится сердце. Это была лучшая из его фантазий, однако в ней не хватало весьма существенной детали. Чего именно они испугались? Он напряг воображение и не сдержал восторженного восклицания, когда его осенило. Пожар! Да, именно! В раздевалке начался

пожар, и они испугались пламени. Они мечутся и задыхаются в дыму, беспомощные, обезумевшие, полураздетые.

– О мой Бог!.. – еле слышно прошептал он, вперившись взором в ветровое стекло «датсуна», точно именно в нем, как на экране телевизора, разворачивалась сейчас эта ужасающая сцена.

Спустя какое-то время он успокоился. Возбуждение было все еще сильным, но фантазии ему явно было мало – все равно что мечтать о пиве, когда тебя мучает жажда. Задрал футболку и вытер ею выступивший на лице пот. Он знал, что может выбросить из головы эту фантазию и ехать дальше, но ему жалко было с ней расставаться, слишком уж она получилась замечательная. И страшно опасная – его запросто могли бы упечь за решетку, если б поймали, – но ощущение опасности никогда его прежде не останавливало. Он пытался побороть искушение, даже плечами передернул – не помогло.

– Я хочу этого, хочу! – пробормотал он, тронул машину с места, развернулся и въехал через высокие помпезные ворота на территорию кампуса.

Он бывал здесь и прежде. Университетская территория занимала сотни акров – лужайки, сады, леса. Здания по большей части были сложены из красного кирпича, на их фоне резко выделялось несколько современных строений из стекла и бетона, и все они были связаны между собой сплетением узких дорожек с разметкой и счетчиками для паркинга.

Хоккейная команда исчезла, но он без труда нашел спор-

тивный зал – длинное приземистое здание рядом с беговой дорожкой. Он припарковался возле счетчика, но монетки в него опускать не стал, он никогда этого не делал. Мускулистая капитанша хоккейной команды стояла на ступеньках у входа в спортивный зал и разговаривала с каким-то парнем в рваном свитере. Он поднялся по ступенькам, проходя мимо капитанши, улыбнулся ей, отворил дверь и вошел внутрь.

В вестибюле было множество парней и девушек в шортах и с повязками на головах. Они входили и выходили со спортивными сумками через плечо и с ракетками в руках. Наверняка спортивные команды университета тренируются в основном по воскресеньям. В центре вестибюля стоял стол, за которым сидел охранник и проверял студенческие билеты; но в этот момент подошла особенно большая группа, студенты так и валили мимо охранника толпой, одни показывали свои карточки, другие забывали это сделать, и он, пожав плечами, продолжил читать «Мертвую зону».

Незнакомец повернулся к нему спиной и принялся рассматривать выставленные в стеклянной витрине серебряные кубки – трофеи, завоеванные спортсменами Джонс-Фоллз. Как раз в этот момент в зал вошла футбольная команда – десять мужчин и коренастая женщина в бутсах, и он быстро присоединился к ним. Вместе с ними он прошел через вестибюль и начал спускаться по широкой лестнице в полуподвальное помещение. Они обсуждали игру, смеялись, радовались удачно забитому голу, возмущались нечестной игрой

соперников и не обращали на него ни малейшего внимания.

Походка его была небрежной и неторопливой, но глаза внимательно смотрели по сторонам. Прямо под лестницей был маленький закуток, где находились автомат с колой и телефонная будка. Тут же была дверь в мужскую раздевалку. Женщина, громко топая ботинками, двинулась дальше по длинному коридору, очевидно, направляясь к женской раздевалке, которая явно была пристроена позже: архитектор не ожидал, что в Джонс-Фоллз будет учиться столько девушек.

Незнакомец подошел к телефону-автомату и сделал вид, что ищет монету. Юноши все еще входили в свою раздевалку. Он увидел, как женщина скрылась за дверью в конце коридора. Так, теперь ясно, где находится женская раздевалка. Все они сейчас там, раздеваются, принимают душ, растирают друг друга полотенцами. Его вновь охватило возбуждение. И от ощущения близости к ним словно обдало жаром. Он отер пот со лба тыльной стороной ладони. Теперь лишь остается воплотить фантазию в реальность – напугать их всех до полусмерти.

Он постарался успокоиться. И потом, не следует спешить, иначе ничего не получится. Надо все тщательно спланировать, а на это уйдет несколько минут.

Когда все парни скрылись в раздевалке, он пошел по коридору к дальней двери.

Три двери – две с одной стороны и последняя в самом конце. Женщина вошла в ту, что справа. Он проверил, что

скрыто за самой дальней дверью, и обнаружил там большую пыльную комнату, заставленную разными механизмами. По большей части то были бойлеры и фильтры – оборудование для плавательного бассейна. Он вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Помещение было наполнено тихим электрическим гулом. И тогда он представил себе, как обезумевшая от ужаса девушка в одном лишь нижнем белье – и белье это, как ему показалось, должно быть непременно в цветочек, и лифчик, и трусики, – лежит на полу, смотрит на него испуганными глазами, а он не спеша расстегивает пряжку на ремне. Секунду-другую он упивался этим сладостным видением, на губах его играла улыбка. Она находится всего лишь в нескольких ярдах и сейчас наверняка ожидает наступления вечера. Вполне возможно, у нее есть парень, и она думает, где и как провести с ним всю ночь. Или же, напротив, она невинна, одинока и немного застенчива, и заняться ей в воскресный вечер совершенно нечем, разве что смотреть по телевизору сериал с Коломбо. А может, завтра ей надо сдать курсовую работу и она собирается всю ночь просидеть за книгами. *Ничего подобного, детка! Тебе придется заняться совсем другим. Настало время кошмара.*

Он проделывал подобные штуки и прежде, но чтоб на таком уровне – никогда. Ему всегда нравилось пугать девочек, еще со школьных времен. Ну что могло быть слаще, чем загнать какую-нибудь девчушку в укромный уголок и угрожать, и пугать ее до тех пор, пока она не начнет плакать и

молить о пощаде. Вот почему он часто переходил из одной школы в другую. Нет, иногда он назначал девушкам свидания, чтоб быть похожим на других парней, даже ходил с ними в бар под ручку. Но это времяпрепровождение казалось ему бессмысленным.

У каждого свой прикол, думал он. Кому-то из парней нравится наряжаться в женскую одежду, другие просто обожают встречаться с девушками, одетыми в кожу и сапоги со шпорами. Один его знакомый считал, что самое сексуальное у женщин – ступни; он был готов часами простаивать в обувной секции универмага, наблюдая за тем, как женщины примеряют туфли.

А его приколом был страх. Ему нравились женщины, дрожащие от страха. В противном случае он не испытывал к ним ни малейшего влечения.

Он внимательно огляделся по сторонам и заметил представленную к стене лестницу – вверху виднелась металлическая задвижка. Он быстро взобрался по ней, отпер задвижку, распахнул окошко под потолком. И увидел толстые шины «крайслера» на парковочной стоянке. Это помогло ему сориентироваться. Он находился в задней части здания. Затворив окошко, он запер его на задвижку и спустился по лестнице.

Затем он вышел из машинного зала. В коридоре он увидел идущую навстречу женщину, та окинула его недружелюбным взглядом. На секунду он ощутил замешательство:

она вполне могла спросить, какого черта он ошивается возле женской раздевалки. Скандал в его планы не входил. Напротив, мог все испортить. Но тут взгляд ее упал на надпись на его бейсболке, она увидела слово «Охрана», тут же успокоилась, отвернулась и вошла в раздевалку.

Он усмехнулся. Эта кепка была куплена в сувенирной лавке за 8 долларов 99 центов. Но люди привыкли видеть охрану в джинсах на рок-концертах, научились не обращать внимания на детективов с бандитскими физиономиями, на парней в свитерах из службы безопасности аэропортов и не утруждали себя проверкой документов у каждого, кто называет себя охранником.

Он подергал дверь напротив женской раздевалки. Она отворилась, там оказалась небольшая кладовая. Он включил свет и затворил за собой дверь.

Вешалки и полки занимал старый спортивный инвентарь. Большие черные мячи, драные резиновые маты, хоккейные клюшки, порванные боксерские перчатки. В углу была свалена гора складных деревянных стульев. Здесь же стоял гимнастический конь, хромой на одну ногу и с треснувшей обивкой. В комнате пахло плесенью и пылью. Вдоль потолка тянулась большая серебристая труба, и он догадался, что, очевидно, именно с ее помощью обеспечивается вентиляция в женской раздевалке.

Он подпрыгнул и подергал болты, крепившие трубу к вентилятору. Нет, голыми руками их не отвернуть, но в багаж-

нике «датсуна» у него лежал гаечный ключ. Если отсоединить эту трубу, то в раздевалку начнет поступать воздух не с улицы, а из кладовой.

А огонь можно развести прямо под вентилятором. Достать канистру с бензином, отлить немного в пустую пластиковую бутылку из-под перье и принести сюда. И еще не забыть захватить спички, кусок газеты и гаечный ключ.

Пламя займется быстро, дыма будет предостаточно. Он намочит водой тряпку, закроет ею рот и нос и будет ждать до тех пор, пока вся эта комнатуха не заполнится дымом. А потом отсоединит вентиляционную трубу. И дым повалит в женскую раздевалку. Сначала, конечно, никто ничего не заметит. Может, одна или две девчонки принюхаются и начнут возмущаться: «Здесь что, кто-то курит, что ли?» И тогда он откроет дверь в коридор, и тот тоже наполнится дымом. Девушки поймут, что что-то не так, тоже распахнут дверь в коридор и подумают, что все здание охвачено огнем. Вот тут-то и начнется паника.

И тогда он войдет в раздевалку. И увидит там целые горы бюстгальтеров и чулок, голые груди, попки, ляжки и эти их дурацкие мохнушки. Девушки будут выбегать из душа, голые и мокрые, стараясь найти полотенца; некоторые в истерике начнут напяливать шмотки; но большая их часть, ослепленная дымом и страхом, будет бестолково метаться по комнате в поисках выхода с криками, рыданиями и визгом. А он притворится охранником и начнет командовать: «Всем

одеться, живо! Положение критическое! Здание горит! Выходите отсюда! Бегите! Бегите!» Будет хлопать их по голым попкам, расталкивать, выхватывать из рук одежду и лапать, лапать всех подряд. И они поймут, что им грозит нешуточная опасность, но большинство просто одуреют от страха. Правда, если среди них окажется та мускулистая капитанша хоккейной команды, расклад будет другой. Она, пожалуй, из тех, кто сумеет сохранить присутствие духа, а потому придется сразу вывести ее из строя.

Он рассмотрит их всех и выберет себе главную жертву. Ею должна стать какая-нибудь хорошенькая девушка с испуганными глазами. Он возьмет ее под руку и скажет: «Сюда, пожалуйста! Ничего не бойтесь, я охранник». И выведет ее в коридор, а потом затащит в машинный зал. И она, дурочка, уже будет думать, что в безопасности, но тут он врежет ей по физиономии, а потом – под дых и швырнет ее на грязный цементный пол. И будет наблюдать, как она катается и рыдает на этом полу, задыхается от слез и с ужасом смотрит на него.

И тогда он улыбнется и начнет расстегивать ремень.

Миссис Феррами сказала:

– Я хочу домой.

Ее дочь Джинни ответила:

– Не волнуйся, мамочка, мы заберем тебя отсюда очень скоро. Скорее, чем ты думаешь.

Ее младшая сестра Пэтти покосилась на Джинни и спросила:

– Интересно знать, как это, черт возьми, у тебя получится?

Комнатушка в доме для престарелых Белла-Виста – это все, на что хватило страховки матери, и надо сказать, что обстановка здесь была довольно убогая. Две высокие больничные койки, два встроенных шкафа, диванчик и телевизор. Стены выкрашены в уныло-коричневый цвет, на полу пластиковая плитка в оранжево-кремовую полоску. На окне решетка и никаких занавесок, а само оно выходит на автозаправочную станцию. В углу раковина, туалет в конце коридора.

– Хочу домой, – повторила мама.

– Но, мамочка, – возразила Пэтти, – ты постоянно все забываешь, ты уже не можешь сама о себе позаботиться.

– Глупости! Еще как могу, и не смей разговаривать со мной в таком тоне!

Джинни прикусила губу. При виде старой развалины, в

которую превратилась ее мать, ей хотелось плакать. У мамы были крупные волевые черты лица: черные брови, темные глаза, прямой нос, большой рот и резко очерченный подбородок. Такую же внешность унаследовали и Пэтти с Джинни. Правда, мама была маленькая, а обе они очень высокие – в папу. Все три отличались непоколебимым упрямством, а их взгляд называли «грозным» – характерная черта всех женщин из рода Феррами. Впрочем, мама уже никогда не будет грозной. У нее обнаружили болезнь Альцгеймера.

И это при том, что ей не было еще и шестидесяти. Джинни исполнилось двадцать девять лет, а Пэтти – двадцать шесть, и они от души надеялись, что мамочка вполне сможет позаботиться о себе еще несколько лет. Но эти надежды развеялись сегодня в пять часов утра, когда им позвонил полицейский и сообщил, что нашел их мать, которая, рыдая, брела по 18-й улице в грязном халате. Несчастная уверяла, что забыла, где живет.

Джинни прыгнула в машину и помчалась в Вашингтон – езда из Балтимора в тихое воскресное утро заняла примерно час. Она забрала маму из полицейского участка, отвезла домой, помыла и переодела, затем позвонила Пэтти. И вот сестры договорились отвезти маму на консультацию в Белла-Виста. Приют находился в небольшом городке в округе Колумбия, между Вашингтоном и Балтимором. Там провела свои последние годы их тетушка Роза. У тетушки Розы была в точности такая же страховка, как у мамы.

– Мне здесь не нравится, – сказала мама.

– Нам тоже не нравится, – ответила Джинни, – но в данный момент это все, что мы можем себе позволить. – Ей хотелось, чтоб ее слова прозвучали убедительно, а вышло грубовато.

Пэтти бросила на нее укоризненный взгляд и сказала:

– Перестань, мамочка. Нам приходилось жить и в худших условиях.

Что правда, то правда. После того как отца посадили во второй раз, мать с двумя дочерьми жили в одной комнате, здесь же стоял кухонный стол с электроплиткой, а умывальник находился в коридоре. То были трудные годы. Но мама приняла этот вызов храбро, как львица. Как только Джинни и Пэтти пошли в школу, она нашла надежную пожилую женщину, которая могла бы позаботиться о девочках, и устроилась на работу. Она была парикмахершей, искусной и старательной, хоть и немного старомодной, и вскоре они уже переехали в маленькую, но отдельную квартирку, состоявшую из двух комнат. Поселились они в Адамс-Морган, рабочем, но достаточно респектабельном в ту пору районе.

На завтрак она готовила тосты и отправляла Джинни с Пэтти в школу в чистеньких платьицах; затем делала себе прическу и макияж: работая в салоне, следовало выглядеть пристойно. Кухню оставляла в безупречном порядке, на столе всегда стояла тарелка с печеньем для девочек, чтобы они могли перекусить, когда вернутся домой. По воскресеньям

все втроем дружно занималась уборкой и стиркой. Мама всегда была такой энергичной, надежной, неустойчивой – просто сердце разрывалось при виде лежавшей в постели беспомощной, потерявшей память женщины.

Вот она недоуменно нахмурилась и спросила:

– Скажи, Джинни, зачем это ты носишь кольцо в носу?

Джинни дотронулась до тоненького серебряного ободка в ноздре и грустно улыбнулась:

– Я сделала пирсинг еще ребенком. Ты что, забыла, мам, как тогда рассердилась? Я думала, ты меня на улицу вышвырнешь.

– Забыла, – пробормотала мать.

– А я помню, – вмешалась Пэтти. – Я еще тогда подумала, что ничего шикарней в жизни не видела! Но мне было одиннадцать, а тебе – четырнадцать, и все, что бы ты ни делала и ни говорила, казалось таким стильным, замечательным, умным!

– Может, так оно и было, – усмехнулась Джинни.

Пэтти хихикнула.

– Ну уж только не оранжевый жакет!

– О боже, да, этот жакет! В конце концов мама просто сожгла его. После того как я переночевала в заброшенном доме и набралась там блох.

– А вот это помню, – сказала мама. – Блохи! У моего ребенка! – До сих пор при упоминании об этом она возмущалась, хотя с тех пор прошло пятнадцать лет.

И тут все они повеселели. История с жакетом и блохами напомнила им, как близки они были когда-то. Самый подходящий момент, чтобы уйти.

– Мне, пожалуй, пора, – сказала Джинни и встала.

– Мне тоже! – подхватила Пэтти. – Надо еще приготовить обед.

Но ни одна из них не решилась подойти к двери. Джинни казалось, что она предает мать, бросает ее в трудную минуту. Никто ее здесь не любит. Ей нужна семья, нужен уход. Джинни и Пэтти должны остаться с ней, готовить для нее, стирать белье и ночные рубашки, включать телевизор, когда показывают ее любимую передачу.

– Ну, когда я вас теперь увижу? – спросила мама.

Джинни хотелось сказать: «Завтра. Я принесу тебе завтрак и пробуду с тобой весь день». Но она этого не сказала, не смогла. Всю неделю она будет страшно занята на работе. Ее охватило чувство вины. *Как я могу быть такой жестокой?!*

На помощь ей пришла Пэтти:

– Я приду завтра. И приведу ребятишек. Уверена, ты будешь рада их увидеть.

Но мать не позволила Джинни отделаться столь легко.

– А ты придешь, Джинни? – спросила она.

– Как только смогу, – выдавила та. И, задыхаясь от стыда и горя, наклонилась и поцеловала мать. – Я люблю тебя, мамочка. Помни это.

Как только они оказались за дверью, Пэтти разрыдалась.

Джинни тоже хотелось плакать, но она была старшей сестрой и давным-давно научилась контролировать свои эмоции в присутствии Пэтти. Она обняла сестру за плечи, и они зашагали по пахнущему антисептиком коридору. Нет, Пэтти никак нельзя назвать слабой, но она всегда была более восприимчивой, чем волевая и смелая Джинни. За что последней частенько доставалось от матери: та считала, что Джинни не мешало бы стать помягче – такой, как Пэтти.

– Честное слово, страшно хотела бы забрать ее к себе домой, но не могу, – жалобно пробормотала Пэтти.

И Джинни с ней согласилась. Пэтти была замужем за плотником по имени Зип. Они жили в маленьком щитовом домике с двумя спальнями. Во второй спальне размещались трое их сыновей – Дейви было шесть лет, Мелу исполнилось четыре, а Тому едва стукнуло два. Так что для бабушки там просто не было места.

Джинни жила одна. Будучи ассистентом профессора в университете Джонс-Фоллз, она зарабатывала тридцать тысяч долларов в год – гораздо меньше, чем муж Пэтти, – так ей, во всяком случае, казалось. К тому же она только что приобрела в кредит двухкомнатную квартиру и мебель. Одна из комнат служила гостиной, а в отгороженном уголке располагалась кухня, вторая, с чуланом и крохотной ванной, была спальней. Если уступить маме кровать, самой придется спать на диване; к тому же нужно будет нанимать сиделку, которая

присматривала бы за ней хотя бы в дневное время, ведь страдающую заболеванием Альцгеймера женщину никак нельзя оставлять в доме одну.

– И я тоже не могу взять ее к себе, – сказала Джинни.

Тут Пэтти неожиданно вспыхнула. И сквозь слезы пробормотала:

– Но зачем тогда ты обещала ей, что мы непременно ее заберем? Раз мы не можем?..

Они вышли на улицу с плавящимся от жары асфальтом, и Джинни сказала:

– Завтра пойду в банк и возьму ссуду. Тогда мы сможем поместить ее в более приличное заведение.

– Но как же ты будешь отдавать эти деньги? – спросила практичная Пэтти.

– Меня должны повысить. Сначала до должности адъюнкт-профессора, а затем уже дадут полную профессиуру. И еще мне предложили написать учебник и работать консультантом в трех международных организациях.

– Я-то тебе верю, – улыбнулась сквозь слезы Пэтти, – но вот поверят ли в банке?

Пэтти всегда верила в Джинни. Сама она была далеко не столь амбициозна. В школе училась средне, в девятнадцать выскочила замуж и стала домохозяйкой и матерью, о чем никогда не жалела. Джинни же в этом смысле являла собой полную противоположность сестре. Была лучшей ученицей в классе, капитаном всех спортивных команд, умудрилась

даже стать чемпионкой по теннису, продолжала заниматься спортом и в колледже. У Пэтти еще ни разу не было повода усомниться в ней.

Впрочем, Пэтти была права: получить вторую ссуду в банке, вскоре после того как она взяла деньги на квартиру, будет проблематично. К тому же она только начала свою карьеру в университете, и повышение ей светит не раньше чем года через три. Они дошли до парковки, и Джинни с отчаянием сказала:

– В крайнем случае продам машину.

Она очень любила свою машину. Это был «Мерседес-23 °C» двадцатилетней давности, красный двухдверный седан с черными кожаными сиденьями. Она купила его восемь лет тому назад на деньги, которые выиграла в молодежном теннисном чемпионате, – пять тысяч долларов. Это было до того, как ездить на подержанных «мерседесах» стало настоящим шиком.

– Может, сейчас он стоит вдвое дороже, – сказала она.

– Но тогда тебе придется купить другую машину, – заметила никогда не теряющая чувства реальности Пэтти.

– Ты права, – вздохнула Джинни. – Ладно, ничего. Я еще могу давать частные уроки. Правда, университетские правила это запрещают, но получать около сорока долларов в час, вдалбливая какому-нибудь богатому тупому студенту азы медицинской статистики, не так уж и плохо. В неделю может набежать до трехсот долларов; и заметь, это чистые

денежки, без налогов, потому что я никому не собираюсь сообщать о том, что даю частные уроки. – Она заглянула сестре в глаза. – Может, и ты подбросишь маленько?

Пэтти отвернулась.

– Не знаю.

– Но ведь Зип зарабатывает куда больше меня.

– Он убьет меня, если узнает, что я это сказала, но мы сможем наскрести семьдесят пять – восемьдесят долларов в неделю, – произнесла после паузы Пэтти. – Я заставлю его попросить прибавки. Сам он не просит, стесняется, но я знаю, что он заслуживает этого. И его босс хорошо к нему относится.

Джинни немного повеселела при мысли о перспективе проводить воскресенья, давая частные уроки отстающим студентам.

– Короче, за лишние четыреста долларов в неделю мы должны, просто обязаны устроить маму в хорошую комнату с ванной.

– И тогда можно будет принести ей туда вещи из дома, всякие украшения, безделушки, может, даже что-то из мебели.

– Давай поспрашиваем, может, кто-то подскажет заведение получше?

– Хорошо, – задумчиво протянула Пэтти. – Ведь болезнь мамы неизлечима? Я смотрела передачу по телевизору.

Джинни кивнула:

– Да. За начальную стадию болезни Альцгеймера ответственен дефект гена AD3. – Он был обнаружен в хромосоме 14q24.3, вспомнила Джинни, но не стала говорить об этом Пэтти, потому что в генетике та все равно не разбиралась.

– Это что же, значит, мы с тобой кончим так же, как и мама?

– Это значит, что такой шанс есть. И что он велик.

Какое-то время обе молчали. Слишком уж мрачной выглядела перспектива лишиться разума.

– Как хорошо, что я родила рано, – заметила Пэтти. – Дети уже вырастут и смогут позаботиться о себе, когда это со мной случится.

Джинни уловила в ее голосе упрек. Как и мама, Пэтти считала, что в двадцать девять лет женщине пора бы обзавестись семьей и детьми.

– Тот факт, что ген обнаружен, уже вселяет надежду, – заметила Джинни. – Я хочу сказать, что ко времени, когда мы будем в мамином возрасте, изобретут инъекцию с исправленной версией нашей ДНК, в которой не будет присутствовать этот фатальный ген.

– Да, по телевизору говорили. Что-то насчет технологии рекомбинантной ДНК, верно?

Джинни одобрительно усмехнулась:

– Да, именно.

– Видишь, я не такая уж и тупая.

– Я никогда не считала тебя тупой.

– Правда, тут одна загвоздка, – задумчиво протянула Пэтти. – Если эта самая ДНК делает нас теми, кто мы есть, не станем ли мы совсем другими личностями, когда изменится ДНК?

– Не только ДНК делает тебя именно таким, а не другим. И воспитание тоже. Собственно, это и есть тема моей работы.

– И как она у тебя продвигается?

– Знаешь, потрясающе! Это мой шанс, Пэтти! Множество людей прочли мою статью о криминальном типе личности и о том, запрограммирована ли склонность к преступлениям в генах человека. – Эта статья, опубликованная еще в прошлом году, когда Джинни работала в университете Миннесоты, была подписана ее куратором-профессором. Вернее, его имя стояло первым, а уж потом – имя Джинни. И это несмотря на то что всю работу проделала она.

– Мне бы и в голову не пришло, что склонность к преступлениям может быть наследственной.

– Просто мне удалось идентифицировать четыре наследственные черты, которые ведут к криминальному поведению. Импульсивность, бесстрашие, агрессия и гиперактивность. Но главное в моей теории вовсе не это. Я пытаюсь доказать, что определенные методы воспитания детей могут подавить эти черты и превратить потенциального преступника в добропорядочного гражданина.

– И как же, интересно, это можно доказать?

– Изучая пары идентичных близнецов, которые росли и воспитывались порознь. Идентичные близнецы имеют одинаковую ДНК. Но если их разлучили в самом раннем детстве, допустим, одного усыновили, а другого оставили в прежней семье, то воспитываются они по-разному. Вот я и выискиваю пары близнецов, где один стал преступником, а второй – нормальным человеком. А потом изучаю, как они воспитывались и что именно их родители делали по-разному.

– Мне кажется, твоя работа очень важна, – заметила Пэтти.

– Надеюсь, что да.

– Потому что мы просто обязаны выяснить, почему сегодня столько плохих американцев.

Джинни кивнула. Сестра точно определила суть проблемы.

Пэтти подошла к своей машине – большому старому «форду». На заднем сиденье громоздилась целая куча пестрых детских вещей и игрушек: трехколесный велосипед, складная прогулочная коляска, ракетки и мячики, огромный игрушечный грузовик со сломанным колесом.

– Поцелуй от меня ребятишек, хорошо? – сказала Джинни.

– Спасибо, обязательно. Завтра позвоню, как только вернусь от мамы.

Джинни достала ключи от своей машины, потом подошла

к Пэтти и обняла ее.

– Я люблю тебя, сестренка.

– И я тебя тоже очень люблю.

Джинни села в машину. Беспокойство продолжало терзать ее: было жаль маму, сестру, даже отца, которого с ними не было. Она выбралась на автомагистраль под номером 1–70 и помчалась вперед, обгоняя другие машины. День, считай, практически пропал, но тут вдруг она вспомнила, что в шесть у нее теннис, после чего она собиралась выпить пива и съесть пиццу в компании студентов последнего курса психологического факультета университета Джонс-Фоллз. Первой мыслью было все это отложить. Но торчать в одиночестве дома и тосковать – тоже не дело. И она решила, что в теннис сыграть надо: физическая нагрузка пойдет ей только на пользу. А уж потом можно будет заскочить в бар к Энди, на часок, не больше. И пораньше лечь спать.

Но сбыться этим ее планам было не суждено.

Ее партнером по теннису был Джек Баджен, заведующий университетской библиотекой. Как-то раз он даже играл на Уимблдоне и, хотя теперь был лысым пятидесятилетним мужчиной, до сих пор пребывал в прекрасной форме, да и мастерства не растерял. Сама Джинни об Уимблдоне даже не мечтала. Пиком ее спортивной карьеры стало членство в американской олимпийской сборной, когда она была студенткой старшего курса. Зато она превосходила Джека в

скорости и силе.

Играя на одном из земляных кортов кампуса Джонс-Фолз, они являли собой достойную пару, и вскоре после начала игры у корта собрались зрители. Форма одежды была свободной, но Джинни всегда предпочитала играть в плотных шортах и тонком свитере белого цвета. У нее были длинные темные волосы – не шелковистые и прямые, как у Пэтти, а вьющиеся, непокорные, поэтому она связала их узлом и спрятала под бейсболкой.

Подача у Джинни была сильной и напористой, а уж смэши – просто убийственными. Против подач Джек мало что мог сделать, зато, немного разогревшись, старался не давать ей шансов применить убийственный смэш. Играл он точно и спокойно, явно экономя силы, и позволял Джинни делать одну ошибку за другой. Она играла слишком агрессивно и напористо и слишком рано бросалась к сетке. «В обычный день я бы его победила», – подумала Джинни; но сегодня ей никак не удавалось сконцентрироваться. Каждый выиграл по сету, третий закончился со счетом 5:4 в его пользу. Надо было постараться как-то спасти игру, и вот пришла ее очередь подавать.

Четвертый сет начался ровно, затем Джек выиграл очко, и преимущество было явно на его стороне. Снова подача Джинни, мяч угодил в сетку, толпа зевак разочарованно ахнула. И вместо того чтобы собраться и сделать нормальную подачу, она вдруг заторопилась, отбросила всякую осторож-

ность и снова угодила в сетку. Джек подбросил мяч и ударил ракеткой, она отбила подачу и бросилась к сетке. На секунду ей показалось, что Джек потерял равновесие, но он лишь притворился и парировал ее удар. Мяч просвистел у нее над головой и опустился на задней линии. Игра была окончена, она проиграла.

Уперев руки в бока, Джинни сердито смотрела на мячик. Она была страшно зла на себя. Конечно, последние годы у нее просто не было времени серьезно заниматься теннисом, но ее боевой дух не остыл. Она постаралась успокоиться, взяла себя в руки и даже изобразила на лице улыбку.

– Прекрасный удар! – заметила она, обернувшись к сопернику. Затем подошла к сетке и пожала Джеку руку.

Зрители зааплодировали.

К ней приблизился незнакомый молодой человек.

– Замечательная игра, поздравляю! – сказал он и улыбнулся во весь рот.

Джинни внимательно его осмотрела. Высокий, спортивного телосложения, выющиеся волосы коротко подстрижены, красивые голубые глаза. И он явно с ней заигрывал.

Но Джинни была не в настроении.

– Спасибо, – коротко бросила она.

Он снова улыбнулся – самоуверенной улыбкой человека, прекрасно знающего, что любая девушка будет счастлива, если он обратится к ней.

– А знаете, я тоже немного играю в теннис. И подумал,

что...

– Если вы немного играете в теннис, – парировала Джинни, – то, боюсь, мы с вами в разных весовых категориях. – И, резко развернувшись, прошла мимо него.

И услышала слова, брошенные ей вслед. Произнесены они были добродушно и с юмором:

– Стало быть, у меня нет шанса на романтический ужин при свечах?

Джинни не смогла сдержать улыбки. Настойчивый юноша, ничего не скажешь, к тому же, пожалуй, она была с ним слишком груба. Она обернулась и, не останавливаясь, бросила через плечо:

– Ни малейшего, но в любом случае спасибо за предложение.

Выйдя с корта, она направилась к раздевалке. Интересно, что сейчас делает мама? Должно быть, уже поужинала, ведь сейчас половина восьмого, а в этих заведениях норовят накормить людей пораньше. Возможно, смотрит телевизор в холле. А может, уже нашла себе приятельницу, женщину своего возраста, которая спокойно отнесется к ее забывчивости и будет с интересом рассматривать фотографии внуков. У мамы всегда было много друзей – женщины, с которыми она работала в парикмахерской, клиентки, соседи и соседки, люди, которых она знала вот уже двадцать пять лет. Но теперь, с потерей памяти, поддерживать с ними дружбу будет непросто. Мама наверняка их всех позабыла.

Проходя мимо хоккейного поля, она встретила Лизу Хокстон. Лиза была первой, с кем ей удалось по-настоящему познакомиться после приезда в Джонс-Фоллз месяц тому назад. Она работала техником в лаборатории психологии. Ученая степень у Лизы имелась, но она не хотела делать научную карьеру. Как и Джинни, она была из бедной семьи и чувствовала себя среди снобов Джонс-Фоллз немного неуютно. Девушки сразу понравились друг другу.

– А ко мне тут клеился какой-то юнец, – улыбаясь, сказала Джинни.

– Как он выглядел?

– Немного похож на Брэда Питта, только выше ростом.

– А ты не сказала, что у тебя есть подружка, более подходящая ему по возрасту? – спросила Лиза. Ей было двадцать четыре.

– Нет. – Джинни оглянулась, но белокурого парня нигде не было видно. – Ладно, пойдем, а то еще увяжется.

– А что в этом плохого?

– Пошли!

– Послушай, Джинни, ты так бежишь, точно он напугал тебя до полусмерти.

– Перестань!

– Могла бы догадаться дать ему мой номер телефона.

– Надо было сунуть ему записку с твоим номером бюстгальтера, это произвело бы должное впечатление.

У Лизы был крупный бюст.

Девушка резко остановилась. Сначала Джинни подумала, что зашла слишком далеко, обидев Лизу, и начала подбирать слова извинения. Но та вдруг воскликнула:

– А что, потрясающая идея! «У меня 36D; чтобы получить более полную информацию, звоните по такому-то телефону».

– Знаешь, я тебе завидую, всегда хотела иметь большую грудь! – Подружки захихикали. – Нет, правда, девочкой я даже молилась, чтоб у меня выросли большие-пребольшие груди. У меня самой последней в классе началась менструация, и я страшно переживала.

– А как ты молилась? Становилась на колени перед кроваткой и говорила: «Милый Боженька, сделай так, чтоб у меня побыстрее выросли титьки», да?

– Вообще-то я молилась Деве Марии. Мне казалось, что женщина женщину лучше поймет. И слово «тительки» при этом, разумеется, не произносилось.

– И как же ты говорила? «Грудьки»?

– Нет. Считала, что и «грудьки» тоже неприлично упоминать в молитве Святой Деве.

– Так как же тогда ты их называла?

– Шишечки.

Лиза так и покатила со смеху.

– Не знаю, где я взяла это слово. Может, подслушала какой-то разговор. И оно показалось мне подходящим эвфемизмом. Я никому никогда об этом не рассказывала.

Лиза оглянулась.

– Что-то незаметно, чтоб нас преследовали красивые парни, похожие на Брэда Питта. Боюсь, мы его упустили.

– Ну и слава богу. Как раз мой тип: красивый, сексуальный, самоуверенный и абсолютно не внушающий доверия.

– С чего это ты взяла, что ему нельзя доверять? Ведь ты видела его секунд двадцать, не больше.

– Ни одному мужчине на свете нельзя доверять.

– Наверное, ты права. Заскочишь сегодня к Энди?

– Да, но на часок, не больше. Сначала надо принять душ. – Свитер Джинни был мокрым от пота.

– Мне тоже. – Лиза была в шортах и кроссовках. – Тренировалась сегодня с хоккейной командой. А почему только на часок?

– День выдался тяжелый. – Игра немного отвлекла Джинни, но теперь снова нахлынули неприятные мысли. – Маму пришлось поместить в дом для престарелых.

– О боже, Джинни, мне страшно жаль!..

По дороге к раздевалке она пересказывала подруге печальные события дня. Войдя в помещение, Джинни поймала в большом зеркале отражение – свое и подруги. Господи, до чего же они разные, прямо какая-то комическая парочка! Лиза чуть ниже среднего роста, а она, Джинни, вымахала почти на шесть футов. Лиза – блондинка с пышными формами, а Джинни темноволоса, поджара и мускулиста. У Лизы миловидное личико с россыпью веснушек на вздернутом

носите, а губки сложены бантиком. Обычно люди называли Джинни эффектной или интересной, мужчины иногда говорили ей, что она красавица. Но никто и никогда не назвал бы ее хорошенькой.

Стаскивая пропотевшую спортивную одежду, Лиза спросила:

– А кто твой отец? Ты никогда о нем не говорила.

Джинни вздохнула. Этого вопроса она боялась всегда, даже тогда, когда была маленькой девочкой, но рано или поздно его все равно задавали. И на протяжении многих лет она лгала, говорила, что отец умер, или бросил их, или женился на другой женщине, или переехал в Саудовскую Аравию, где нашел хорошую работу. Впрочем, в последнее время она предпочитала говорить правду.

– Отец сидит в тюрьме, – ответила она.

– О господи! Извини. Мне не следовало спрашивать.

– Ничего страшного. В тюрьме он провел большую часть своей жизни. Он вор, взломщик. И отбывает уже третий срок.

– И сколько ему дали?

– Не помню. Да это и не важно. Даже если он выйдет, пользы от него все равно никакой. Он никогда о нас не заботился и вряд ли теперь захочет.

– Так у него что, никогда не было постоянной работы?

– Только когда он хотел обчистить какое-нибудь заведение. Тогда он устраивался туда уборщиком, привратником,

даже охранником, трудился неделю-другую, разбираясь, что к чему, а потом грабил.

Лиза внимательно посмотрела на подругу.

– Так вот почему тебя так интересует генетика криминальной личности...

– Возможно.

– А может, я ошибаюсь, – отмахнулась Лиза. – Психолог из меня никакой.

Они пошли в душ. Джинни понадобилось больше времени, трудно было промыть густые непослушные волосы. Она была благодарна судьбе за то, что нашла такую подругу, как Лиза. Лиза работала в университете уже год и познакомила Джинни с жизнью в Джонс-Фоллз, куда та прибыла в начале семестра. Джинни нравилось работать с Лизой, потому что на нее можно было полностью положиться. Нравилось вместе проводить время после работы, потому что с Лизой можно было говорить откровенно и прямо, не боясь напугать ее или шокировать.

Джинни принялась сушить волосы феном, как вдруг услышала странные звуки. Она замерла и прислушалась. Какие-то визги и крики, явно вызванные сильным испугом. Джинни вздрогнула, по спине пробежали мурашки. Внезапно она почувствовала себя совершенно незащищенной: стоит здесь, под землей, голая и мокрая. Она помедлила секунду-другую, затем быстро сполоснула волосы и вышла из душа посмотреть, что случилось.

И сразу же ощутила сильный запах гари. Нет, огня видно не было, но помещение наполняли клубы густого черного и серого дыма, поднимавшиеся до самого потолка. Похоже, дым проникал через вентиляционную трубу.

Джинни испугалась. Прежде ей не доводилось бывать в таких ситуациях.

Многие девушки, схватив свои сумки и одежду, устремились к дверям. Другие впали в истерику, перекликались испуганными голосами и бестолково метались из стороны в сторону. Какой-то придурок, по всей видимости из охраны, закрыв рот и нос носовым платком в горошек, лишь усугублял панику, расталкивая перепуганных девушек и выкрикивая приказания.

Джинни понимала, что одеваться нет времени, но и заставить себя выбежать из здания в чем мать родила тоже не могла. Страх леденил душу, но внешне она оставалась спокойной. Почти на ощупь нашла в дыму свой шкафчик. Лизы нигде не было видно. Джинни торопливо влезла в джинсы, натянула через голову майку.

Прошло всего несколько секунд, но за это время в заполненном дымом помещении людей не осталось. Джинни уже не видела двери и начала кашлять. Ее испугала мысль о том, что скоро будет нечем дышать. «Я знаю, где дверь, и я должна сохранять спокойствие», – сказала она себе. Ключи и деньги лежали в карманах джинсов. Она подхватила свою теннисную ракетку и, прикрывая ладонью рот, двинулась к

выходу.

В коридоре тоже было полно дыма, и глаза у Джинни за-
слезились. Она почти ничего не видела. Теперь девушка уже
жалела о том, что не выскочила из раздевалки голой – уда-
лось бы выиграть несколько драгоценных секунд. Что толку
от этих джинсов – ни видеть, ни дышать в дыму они не по-
могают. И какая разница, в каком виде тебя обнаружат мерт-
вой – голой или одетой?

Дрожащей рукой Джинни ощупывала стену, стараясь
определить направление. Она боялась наткнуться в дыму на
какую-нибудь из женщин, но все они, похоже, ее уже опере-
дили. Миновав стену, Джинни поняла, что оказалась в ма-
леньком вестибюле, хоть и не видела ничего – здесь тоже
было полно дыма. Впереди должна быть лестница. Она пе-
ресекла вестибюль и натолкнулась на автомат с кока-колой.
Так, где же лестница, справа или слева от него?.. Вроде бы
слева, подумала она. И двинулась туда, но почти тут же,
наткнувшись на дверь в мужскую раздевалку, поняла, что
ошиблась.

Дышать больше не было никакой возможности. Она втя-
гивала воздух со свистом и стонами. Но воздуха практиче-
ски не осталось, один лишь дым, и Джинни зашла в при-
ступе кашля. Она двигалась, прижавшись спиной к стене, все
ее тело сотрясал кашель, в ноздрях щипало, глаза слезились,
она едва различала в этом проклятом дыму свои руки. Ни-
когда за все двадцать девять лет своей жизни не жаждала она

так страстно хотя бы глотка свежего воздуха. Перемещаясь вдоль стены, она обогнула автомат. И поняла, что нашла наконец лестницу, лишь когда споткнулась о первую ступеньку. Джинни выронила ракетку и тут же потеряла ее из вида. Это была особая и очень дорогая для нее ракетка, с ней она выиграла чемпионат «Мейфэр лайтс». Жаль, но главное теперь не это, думала она, карабкаясь на четвереньках вверх по лестнице.

Внезапно дым почти рассеялся, и Джинни увидела, что добралась до просторного вестибюля первого этажа. Она заметила распахнутые настежь двери. Возле одной из них стоял охранник, который махал ей рукой и кричал: «Сюда! Скорее сюда!» Кашляя и задыхаясь, Джинни пересекла вестибюль, и в легкие ворвался божественно чистый воздух.

Согнувшись, она простояла на ступеньках две или три минуты, жадно хватая ртом воздух и выкашливая из легких остатки дыма. Наконец ее дыхание стало ровнее, глаза перестали слезиться, и тут в отдалении она услышала завывание сирены «Скорой помощи». Оглянувшись, Джинни глазами поискала Лизу, но той нигде не было видно.

Неужели она осталась там?.. Дрожа всем телом, Джинни шла через толпу, всматриваясь в лица. Теперь люди были вне опасности, и в толпе слышались даже нервные смешки. Многие из студенток были полуодеты, что придавало сборищу некую интимность. Те, кому удалось вынести сумки, делились одеждой с менее удачливыми. Раздетые девушки бла-

годарили друг за грязные и мокрые футболки. Несколько человек кутались в полотенца.

Лизы в толпе не было. Подавляя растущее беспокойство, Джинни вернулась к охраннику.

– Мне кажется, моя подруга все еще находится там, – сказала она и услышала, как дрожит ее голос.

– Я за ней не пойду, – быстро ответил охранник.

– Храбрец, ничего не скажешь! – презрительно фыркнула Джинни. Она никак не ожидала, что от охранника, чей долг оберегать студентов, будет так мало пользы.

Он недовольно скривился.

– Это их работа, не моя, – сказал он и указал на подъезжавшую пожарную машину.

Джинни начала беспокоиться за жизнь Лизы, но что делать, она не знала. И нетерпеливо и беспомощно наблюдала за тем, как пожарные выскакивают из машины, надевая на ходу респираторные маски. Ей казалось, что действуют они страшно медленно, хотелось поторопить их, крикнуть: «Скорее, скорее!» Прибыла еще одна пожарная машина, следом за ней подъехал белый с серебристо-синей полосой автомобиль полицейского отделения Балтимора.

Пожарные потащили брандспойт к зданию, полицейский подозвал охранника и спросил:

– Как думаете, где это началось?

– В женской раздевалке, – ответил тот.

– Где именно она находится?

– В подвальном помещении, в задней стороне здания.

– Сколько там выходов?

– Только один. По лестнице наверх – и сразу попадаешь в главный вестибюль. Вот этот.

Джинни перехватила взгляд офицера и, подойдя к нему, сказала:

– Думаю, моя подруга все еще там.

– Как она выглядит?

– Женщина двадцати четырех лет, блондинка, невысокого роста.

– Если она там, мы ее найдем.

Джинни обрадовалась, но всего на секунду. Ведь офицер не обещал найти ее живой.

Охранника, который бегал по раздевалке, видно не было. И тогда Джинни снова обратилась к полицейскому:

– Там может быть еще один человек, охранник. Что-то нигде его не вижу. Высокий такой парень.

Охранник из вестибюля заметил:

– В этом здании, кроме меня, нет охранников.

– Но на нем было кепи с надписью «Охрана», и он кричал, чтобы люди поскорее выходили из здания.

– Не знаю, что за кепи на нем было, но...

– Да ради бога, перестаньте вы спорить! – взмолилась Джинни. – Может, он мне просто привиделся. Но если нет, то и его жизнь тоже в опасности.

Тут рядом с ними возникла девушка в подвернутых внизу

мужских штанах цвета хаки.

– Я видела этого парня. Настоящий подонок и гад. Всю меня облапал! – воскликнула она.

– Ладно, успокойтесь, – сказал офицер полиции, – сейчас разберемся и всех найдем. Спасибо за помощь. – И он отошел к машине.

Джинни сердито покосилась на охранника из вестибюля. Наверное, именно из-за стычки с ним офицер полиции принял ее за истеричку и не отнесся к ее словам серьезно. Она отвернулась. Что же теперь делать?.. Пожарные бросились в здание. На них были шлемы, маски и специальные сапоги. Сама же она стояла босая, в футболке и джинсах. Если попытается войти следом за ними, они ее прогонят, это ясно. Она сжала кулаки и отчаянно твердила про себя: *Думай же, думай! Где еще может быть Лиза?*

Рядом со спортивным залом находилось здание факультета психологии имени Рут У. Экорн, названное так в честь его основательницы-филантропки, но между собой студенты именовали его Дурдомом. Может, Лиза зашла туда? По воскресеньям двери были заперты, но наверняка у нее имелся ключ. Она могла забежать туда и взять лабораторный халат, чтобы прикрыть наготу. Может, она до сих пор сидит там, не в силах опомниться. И Джинни решила проверить. Все лучше, чем торчать здесь, перед входом, не предпринимая ровным счетом ничего.

Она пересекла лужайку, подбежала к главному входу в

Дурдом и заглянула через стеклянную дверь. Затем достала из кармана пластиковую карточку, служившую ключом, и сунула в щель. Дверь отворилась. Джинни помчалась вверх по лестнице с криками: «Лиза! Лиза! Ты здесь?» – но в лаборатории не было ни души. Стул Лизы аккуратно придвинут к письменному столу, монитор компьютера выключен. Джинни распахнула дверь в комнату отдыха. Никого.

– Черт! – нервно воскликнула она. – Куда же ты запропастилась?

Задышавшись, она бросилась к выходу. Решила обежать здание спортзала: вдруг Лиза сидит где-нибудь рядом, на земле, пытаюсь откашляться и отдышаться? Оказавшись с тыльной стороны здания, Джинни попала во двор, заставленный огромными мусорными баками. За ним находилась небольшая автостоянка. И тут она заметила чью-то фигуру: человек, лавируя между машинами, бежал прочь от здания. Слишком высок для Лизы, скорее мужчина. Может, тот самый охранник в бейсболке?.. Но тут бегущий свернул за угол и скрылся из вида прежде, чем она смогла его толком разглядеть.

Джинни продолжила свой путь вокруг здания. Здесь начиналась беговая дорожка. Она прошла по ней и, обогнув спортивный зал, снова оказалась у входа.

Толпа зевак к этому времени выросла, прибыло еще несколько пожарных расчетов, но Лизы по-прежнему нигде не было видно. Да, теперь Джинни была почти уверена: ее

подруга осталась в горящем здании. Джинни охватил ужас, она пыталась побороть его. *Нет, этого просто не может быть, это невозможно!*

Она заметила в толпе знакомое лицо. Тот самый офицер, с которым она говорила. Джинни подбежала к нему, схватила за рукав.

– Я почти уверена, что Лиза Хокстон находится там, в здании! Я ее везде искала!

Он окинул ее мрачным взглядом и, очевидно, понял, что словам этой девушки доверять можно. Поднес ко рту радиотелефон.

– Ищите молодую женщину! Белая, имя Лиза, повторяю: Лиза! Должна быть в здании.

– Спасибо, – сказала Джинни.

Он кивнул и отошел.

Хорошо, что он прислушался наконец к ее словам, но успокаиваться рано. Может, Лиза оказалась запертой где-нибудь в туалете, и все вокруг объято пламенем, и она кричит и зовет на помощь, но никто не слышит? А может, она споткнулась, упала, ударилась головой, задохнулась в дыму и лежит без сознания, а огонь с каждой секундой подбирается к ней все ближе и ближе...

Тут вдруг Джинни вспомнила, как работник техобслуживания упоминал о еще одном входе в подвальное помещение. Обегая здание, она его не заметила и решила проверить снова.

Джинни нашла его почти сразу. Люк в земле загоразживал серый «крайслер». Его тяжелая крышка была снята и при-слонена к стене здания. Джинни опустилась на колени возле квадратного отверстия и заглянула внутрь.

Лестница вела в грязную комнату, освещенную флюоресцентной лампой. Она увидела какие-то механизмы и множество труб. Из отверстия тонкими струйками поднимался дым. Но сильного задымления не наблюдалось, очевидно, это помещение было отрезано от всего остального подвала. Тем не менее запах дыма напомнил ей, как совсем недавно она кашляла и задыхалась, на ощупь искала лестницу, и сердце ее сжалось от страха.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – крикнула Джинни.

В ответ послышался какой-то звук, но может, ей просто показалось?.. Она наклонилась и крикнула громче:

– Эй!

Ответа не последовало.

Джинни колебалась, не зная, как лучше поступить. Самое разумное – вернуться ко входу в здание и позвать пожарных, но на это может уйти много времени, особенно если начнутся бесконечные расспросы и уточнения. Можно, конечно, спуститься и посмотреть самой.

При воспоминании о том, что совсем недавно произошло с ней в этом здании, коленки у нее подогнулись. В груди до сих пор ныло от кашля. Но Лиза может быть там, внизу, раненая, неспособная двигаться, придавленная какой-нибудь

балкой или без сознания. Она должна, обязана прийти подруге на помощь.

Девушка собрала в кулак всю свою волю и поставила ногу на первую ступеньку. Ноги казались ватными, и она едва не упала. Джинни помедлила, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Ей стало лучше, и она спустилась еще на одну ступеньку. Но тут в горло опять попал дым, и она так и зашлась в кашле. Пришлось вылезти, отдышаться и начать все сначала.

Джинни спускалась все ниже и твердила себе: «Если дым снова будет донимать, просто вылезу отсюда, вот и все». И она спускалась все быстрее, цепляясь за стальные поручни, а потом спрыгнула на пол.

И оказалась в большом помещении, где стояли насосы и фильтры, гудели трубы – все это, очевидно, предназначалось для бассейна. Сильно пахло дымом, но дышать было можно.

И тут она заметила Лизу и тихо ахнула.

Лиза лежала на боку в позе эмбриона. Голая, на бедре что-то похожее на кровь. Она не двигалась.

На секунду Джинни окаменела от ужаса.

Потом очнулась и закричала:

– Лиза!

В ее голосе прозвучали истерические нотки, и она постаралась взять себя в руки. *Господи, прошу тебя, сделай так, чтоб с ней все было в порядке!* Она прошла мимо сплетения труб и опустилась на колени рядом с подругой.

– Лиза?

Лиза открыла глаза.

– Слава Богу! – воскликнула Джинни. – Я уже думала, что ты умерла.

Лиза медленно села. Она старалась не смотреть на Джинни. Губы у нее были разбиты.

– Он... он меня изнасиловал, – еле слышно пробормотала она.

Облегчение, которое испытала Джинни при виде того, что подруга жива, тут же сменилось гневом и ужасом.

– Господи! Здесь?

Лиза кивнула:

– Завел сюда. Сказал, что здесь есть выход...

Джинни закрыла глаза. Она физически ощущала боль и унижение, которые пришлось испытать Лизе. И едва не заплакала, но сдержалась. Ее тошнило от омерзения и чувства полной беспомощности.

– Кто это был? – спросила она наконец.

– Да тот парень... Охранник.

– С платком на лице?

– Потом он его снял, – сказала Лиза. – И все время улыбался.

Да, все сходится. Та девушка в брюках цвета хаки говорила, что охранник к ней приставал. А трусливый сторож из вестибюля уверял, что в здании, кроме него, нет больше никаких охранников.

– Никакой он не охранник, – мрачно сказала Джинни. Именно его она заметила всего лишь несколько минут назад убегавшим через автомобильную стоянку. Ее охватила ярость при мысли о том, что здесь, в кампусе, в раздевалке, где девушки чувствовали себя в полной безопасности, спокойно раздевались и мылись, этот ублюдок совершил такую мерзость. Руки у нее задрожали, ей захотелось броситься за этим типом, догнать и удушить его.

Тут послышались громкие мужские голоса, топот, шум воды. Это были пожарные со своими брандспойтами.

– Послушай, мы здесь в опасности, – сказала Джинни. – Надо выбираться из здания.

– Но я раздета, – каким-то рассеянно-отстраненным голосом произнесла Лиза.

Мы обе можем здесь погибнуть!

– Да плевать! – воскликнула Джинни. – Полкампуса бегают нагишом! – Она оглядела помещение и заметила в углу, возле цистерны, красные кружевные трусики и бюстгальтер Лизы. Подбежала и подобрала их. – Вот видишь, белье у тебя уже есть. Надевай. Правда, грязное, но все лучше, чем ничего.

Однако Лиза осталась сидеть на полу, тупо вперясь взором в пространство.

Джинни снова охватила паника. Что, если Лиза откажется с ней идти? Поднять ее с пола она сможет, но вот втащить вверх по лестнице – это вряд ли. Она повысила голос:

– Давай же, Лиза, вставай! – Взяв подругу за руки, Джинни рывком поставила ее на ноги.

Тут наконец Лиза посмотрела на нее.

– О, Джинни, это был такой ужас!.. – пролепетала она.

Джинни крепко обняла подругу, прижала к себе.

– Мне страшно жаль, Лиза, прости, что я тебя не уберегла.

Дым тем временем сгущался, несмотря на плотно закрытую дверь. И жалость к Лизе сменилась страхом.

– Надо выбираться отсюда, иначе сгорим заживо! Ради бога, давай поскорей, надень вот это!

Наконец Лиза очнулась. Натянула трусики, застегнула на спине лифчик. Джинни взяла ее за руку, повела к лестнице и там пропустила подругу вперед. Она полезла вверх следом за ней и была уже на полпути, когда в помещение, с грохотом выбив дверь, ворвался пожарный в клубах дыма и гари. На пол хлынули потоки воды. При виде двух девушек пожарный изумленно вытаращил глаза.

– Все в порядке, мы уже выбираемся! – крикнула ему Джинни. И полезла следом за Лизой.

Еще через несколько секунд они оказались на свежем воздухе.

Джинни даже ослабела от радости – еще бы, ведь ей удалось спасти подругу от гибели в огне. Впрочем, Лиза все еще нуждалась в помощи. Джинни обняла ее за плечи и повела ко входу в здание. Вдоль дороги стояли пожарные машины и полицейские автомобили. Девушки, выбежавшие из разде-

валки, уже нашли, чем прикрыть наготу, и на их фоне Лиза в красном нижнем белье особенно бросалась в глаза.

– Есть у кого-нибудь пара штанов, рубашка, свитер, хоть что-нибудь? – взмолилась Джинни. Но стоявшие вокруг люди уже раздали пострадавшим все, что могли. Джинни с радостью отдала бы подруге свой свитер, но под ним не было ничего, она надела его прямо на голое тело.

Наконец какой-то высокий темнокожий студент снял с себя рубашку и протянул Лизе.

– Но только с возвратом. Это не что-нибудь, а Ральф Лорен, – сказал он. – Позвольте представиться, Митчел Уотерфилд, факультет математики.

– Я запомню, – с благодарностью произнесла Джинни.

Лиза надела рубашку. Она доходила ей до колен.

Наконец-то прекратится этот кошмар, подумала Джинни. И подтолкнула Лизу к полицейскому автомобилю. Возле него, прислонившись к капоту, стояли трое полицейских и ровным счетом ничего не делали.

– Эту женщину зовут Лиза Хокстон. Ее изнасиловали.

Она думала, что известие о столь чудовищном преступлении произведет эффект разорвавшейся бомбы, но отреагировали эти молодцы на удивление спокойно. Несколько секунд они переваривали информацию, и Джинни уже была готова заорать на них, когда один из них, усатый, оторвал спину от капота и спросил:

– Где это случилось?

– В подвальном помещении горящего здания, в машинном зале бассейна.

Другой, молодой темнокожий полицейский, заметил:

– Стало быть, Сарж, пожарные как раз смывают там вещи.

– Ты прав, парень, – ответил усатый полицейский. – Так что вали туда, Ленни, и обеспечь охрану места преступления. – Затем сержант обернулся к Лизе: – Скажите, мисс Хокстон, вам знаком мужчина, который это сделал?

Лиза отрицательно помотала головой.

Тут вмешалась Джинни:

– Высокий белый мужчина, на голове красная бейсболка с надписью «Охрана». Я видела его там, в раздевалке, до пожара. И еще мне показалось, видела, как он убегал. Перед тем, как я нашла Лизу.

Коп нагнулся и достал из машины рацию. Сказал несколько слов, потом вернул на место и обратился к Джинни:

– Если он настолько туп, что не снял свою красную кепку, мы его возьмем, мисс. – Затем он повернулся к третьему полицейскому: – Отвези пострадавшую в больницу, Макхенти.

Макхенти оказался молодым белым в очках. Он вежливо спросил у Лизы:

– Где предпочитаете сидеть, спереди или сзади?

Лиза не ответила. Похоже, ей было все равно.

На выручку пришла Джинни:

– Садись на переднее сиденье. Ты же не хочешь выглядеть

подозреваемой.

На лице Лизы отразился ужас, и она впервые за все это время хоть что-то сказала:

– Разве ты со мной не поедешь?

– Если хочешь, конечно, поеду, – кивнула Джинни. – Или могу забежать домой и принести тебе что-нибудь из одежды, и тогда встретимся уже в больнице.

Лиза встревоженно покосилась на Макхенти.

– Теперь с тобой все будет в порядке, Лиза, – успокаивающе сказала Джинни.

Молодой полицейский распахнул дверцу автомобиля, и Лиза уселась на переднее сиденье.

– В какую больницу вы ее повезете? – спросила Джинни.

– Святой Терезы, – ответил Макхенти и сел за руль.

– Буду там через несколько минут! – крикнула Джинни, и машина отъехала.

Джинни бросилась на университетскую стоянку, уже жалея о том, что не поехала с Лизой. Какое же испуганное и несчастное было у нее лицо, когда она смотрела на подругу в окно автомобиля! Конечно, ей нужно переодеться в чистую одежду, но, наверное, куда важнее быть рядом с подругой, которая держала бы ее за руку и утешала. И уж меньше всего ей хотелось остаться наедине с мачо, у которого к тому же была при себе пушка. Садясь в машину, Джинни вдруг почувствовала, что совершенно вымотана.

– Господи, ну и денек! – пробормотала она и включила

мотор.

Ее квартира находилась на последнем этаже небольшого панельного дома неподалеку от кампуса. Джинни припарковалась, выскочила из машины и помчалась вверх по лестнице.

Торопливо сполоснула руки и лицо в ванной, потом переоделась. Так, теперь надо подумать, что захватить для Лизы, ведь та меньше ростом и полнее ее. Она достала из шкафа просторный свитер и спортивные брюки с эластичным поясом. С нижним бельем было сложнее. Джинни нашла пару мешковатых мужских трусов, но ни один из ее бюстгалтеров не подошел бы Лизе по размеру. Что ж, придется подружке обойтись без него. Она достала шлепанцы, сложила все вещи в рюкзак и выбежала из дома.

Она ехала к больнице, и настроение у нее начало меняться. Слишком уж много всего произошло, и вначале она была сосредоточена на том, чтобы как-то справиться с ситуацией. Теперь же ею постепенно овладевала холодная ярость. До сегодняшнего дня Лиза была счастливой, жизнерадостной девушкой, но после того, что с ней произошло, от шока и страха превратилась в зомби, тупое, запуганное существо, боящееся сесть даже в полицейский автомобиль.

Проезжая по людной улице с бесчисленными магазинами, Джинни автоматически искала взглядом в толпе парня в красной бейсболке. Она уже твердо решила про себя, что если заметит его, то тут же остановит машину и бросится за

ним вдогонку. Но если вдуматься, вряд ли она его узнает. Он наверняка избавился от платка в горошек и дурацкой бейсболки. Так, что же еще на нем было?.. Она пыталась вспомнить и не могла. Кажется, футболка и синие джинсы... или шорты. Как бы там ни было, но к этому времени он вполне мог переодеться.

Вообще это мог быть любой из высоких белых мужчин, которых она видела: например, вот этот разносчик пиццы в красной куртке; или же вон тот лысый парень, шагающий к церкви в сопровождении жены и с молитвенником под мышкой; или красивый бородатый мужчина с гитарой в чехле; или даже полицейский, беседующий с каким-то бездельником на пороге винного магазина. Джинни было просто не на кого выплеснуть свой гнев, а потому она еще крепче вцепилась в руль, даже костяшки пальцев побелели.

Больница Святой Терезы находилась на северной окраине города. Джинни оставила машину на стоянке и нашла отделение неотложной помощи. Лиза, одетая в больничный халат, уже лежала в постели, с отсутствующим видом глядя в пространство перед собой. По телевизору показывали церемонию вручения премий «Эмми»: сотни голливудских знаменитостей пили шампанское и поздравляли друг друга. Макхенти сидел у кровати с блокнотом на коленях.

Джинни поставила рюкзак на пол.

– Тут одежда. Что происходит?

Лиза молчала, ее лицо было лишено какого бы то ни было

выражения. «Она все еще в шоке», – подумала Джинни. И тут же подавила новую вспышку гнева, постаравшись взять себя в руки. Но она знала, что рано или поздно терпение ее кончится и гнев выплеснется наружу.

– Мне следует записать все детали и подробности случившегося, мисс, – сказал Макхенти. – Так что я просил бы вас оставить нас на несколько минут, о'кей?

– Да, конечно, – извиняющимся тоном произнесла Джинни. Но тут же поймала на себе взгляд Лизы и замешкалась. Всего несколько минут назад она на чем свет кляла себя за то, что оставила подругу наедине с мужчиной. И вот теперь собирается сделать то же самое. – А вообще-то, – заметила она, – может, Лиза предпочитает давать показания в моем присутствии? – И тут же получила подтверждение своей правоте: Лиза еле заметно кивнула. Джинни присела на краешек кровати и взяла подругу за руку.

Макхенти был недоволен, но спорить не стал.

– Я спрашивал мисс Хокстон, пыталась ли она оказать сопротивление насильнику, – сказал он. – Вы кричали, Лиза?

– Крикнула один раз... когда он швырнул меня на пол, – пробормотала Лиза. – Потому что потом он вытащил нож.

Голос Макхенти звучал сухо, он то и дело сверялся с записями в блокноте.

– Вы пытались бороться с ним?

Лиза отрицательно покачала головой:

– Нет. Боялась, что он меня зарежет.

– Так что фактически вы не оказали ему никакого сопротивления, лишь один раз крикнули, верно?

Лиза снова покачала головой и расплакалась. Джинни крепко сжала ее руку. Ей хотелось сказать Макхенти: «А что, черт возьми, ей было делать? Как сопротивляться?» Но она сдержалась. На сегодня хватит. Ведь она уже успела нагрубить парню, похожему на Брэда Питта, съязвить на тему Лизино бюста и наорать на охранника из вестибюля. Она знала, что не слишком умеет ладить с представителями власти, и решила не ссориться с этим полицейским, который просто выполнял свою работу.

Макхенти тем временем продолжил:

– Скажите, перед тем как он вошел в вас, вы раздвинули ноги или нет?

Джинни поморщилась. Неужели на этот случай у них нет специально обученных женщин-полицейских?

– Он трогал мои бедра... кончиком ножа, – пролепетала в ответ Лиза.

– Он вас порезал?

– Нет.

– Так, значит, вы добровольно раздвинули ноги?

Джинни не выдержала:

– Если подозреваемый направляет оружие на полицейского, вы имеете право пристрелить его на месте, или я ошибаюсь? И в этом случае вы тоже станете употреблять термин «добровольно»?

Макхенти сердито покосился на нее.

– Пожалуйста, не мешайте мне, мисс. – И снова обернулся к Лизе: – Какие у вас повреждения?

– Кровотечение.

– Как результат навязанного вам полового сношения?

– Да.

– Вы были ранены в обычном понимании этого слова?

Джинни снова не выдержала:

– Не кажется ли вам, что определить это может только врач?

Он посмотрел на нее с таким видом, точно она сморозила какую-то несусветную глупость.

– Я должен составить предварительный отчет.

– Тогда напишите, что она получила множественные внутренние повреждения в результате насилия.

– Я провожу допрос, а не вы.

– А я говорю, отстаньте от нее, мистер! – сказала Джинни, изо всех сил сдерживаясь, чтоб не заорать на этого придурка. – Моя подруга находится в тяжелом депрессивном состоянии. И лично я не считаю, что в таком состоянии она сможет адекватно оценить все свои повреждения и пересказать вам. Это дело врача.

Макхенти яростно сверкнул глазами, но продолжал гнуть свое:

– Я заметил на вас нижнее белье – кружевное, красного цвета. Как считаете, оно могло спровоцировать нападение?

Лиза отвернулась, глаза ее наполнились слезами.

Джинни не унималась:

– Выходит, если я сообщу о похищении моего красного «мерседеса», вы спросите меня, не спровоцировала ли я сама кражу, приобретя столь броский автомобиль?

Макхенти проигнорировал этот вопрос.

– Как вам кажется, Лиза, вы до того прискорбного случая встречались когда-нибудь с подозреваемым?

– Нет.

– Но, очевидно, разглядеть его в дыму было трудно. К тому же он закрывал лицо платком.

– Сначала я практически ослепла от дыма. Но в той комнате, куда... где он сделал это, дыма было меньше. И я его рассмотрела. – Она кивнула, словно подтверждая собственную правоту. – Я его разглядела.

– И вы узнали бы его, если б увидели снова?

Лиза содрогнулась.

– О да.

– Но вы никогда и нигде не видели его прежде? Ни в баре, ни в каком-либо другом месте?

– Нет.

– А вы ходите в бары, Лиза?

– Конечно.

– Где собираются одинокие люди, чтобы познакомиться, да?

Джинни вскипела:

– Что, черт возьми, за вопрос? Куда это вы гнете?

– Вопрос, который непременно задаст защитник обвиняемого, – сказал Макхенти.

– Лиза не в суде! Она не обвиняемая, она пострадавшая, жертва!..

– Скажите, вы были девственницей, Лиза?

Джинни вскочила:

– Все, хватит! Просто ушам своим не верю! Вы не смеее задавать подобные вопросы!

Макхенти тоже повысил голос:

– Я пытаюсь понять, насколько можно верить ее показаниям.

– Через час после насилия? Забудьте об этом!

– Я делаю свою работу...

– Что-то слабо верится, что вы компетентны в этой своей работе. Лично мне кажется, вы в ней ни черта не смыслите, мистер Макхенти!

Не успел он ответить, как в палату, не постучав, вошел врач. Он был молод, но выглядел совершенно измотанным.

– Здесь насилие? – спросил он.

– Это мисс Лиза Хокстон, – ледяным тоном ответила Джинни. – Да, ее изнасиловали.

– Мне надо взять мазок из влагалища.

Это заявление было несколько обескураживающим, зато появился повод избавиться от Макхенти. Джинни взглянула на полицейского. Тот не сдвинулся с места, точно твердо воз-

намерился присутствовать при взятии мазка. Тогда Джинни откашлялась и сказала:

– Прежде чем вы займетесь этой процедурой, сэр, возможно, господин полицейский избавит нас от своего присутствия?

Врач взглянул на Макхенти. Коп пожал плечами и молча вышел.

Врач резким движением сорвал с Лизы простыню.

– Поднимите халат, раздвиньте ноги пошире, – сказал он. Лиза зарыдала.

Джинни не могла скрыть своего возмущения. Да что, черт возьми, творится со всеми этими мужчинами?

– Простите, сэр... – обратилась она к доктору.

Он окинул ее нетерпеливым взглядом.

– Какие проблемы?

– Не могли бы вы постараться быть немного повежливее?

Врач покраснел.

– В больнице полно людей с серьезными травмами, представляющими угрозу для жизни, – сказал он. – В данный момент в приемном покое находятся трое ребятишек, пострадавших в автокатастрофе, и их ранения несовместимы с жизнью. А вы тут жалуетесь, что я, видите ли, был не слишком вежлив с девушкой, которая угодила в постель не к тому мужчине!

Джинни была потрясена.

– Что это значит – «угодила в постель не к тому мужчине»?

не»?

Лиза резко села в постели.

– Хочу домой, – заявила она.

– А знаешь, прекрасная мысль! – подхватила Джинни. Расстегнула рюкзак и начала выкладывать одежду на постель.

Врач на секунду растерялся. Затем сердито буркнул:

– Поступайте как знаете, – и вышел из палаты.

Джинни с Лизой переглянулись.

– Просто не верится, что такое возможно, – заметила Джинни.

– Слава богу, все они ушли, – сказала Лиза и поднялась с постели.

Джинни помогла ей снять больничный халат. Лиза быстро оделась, сунула ноги в шлепанцы.

– Я отвезу тебя домой, – сказала Джинни.

– А ты останешься у меня ночевать? – спросила Лиза. – Что-то не хочется сегодня оставаться одной, особенно ночью.

– Конечно, переночую. С радостью.

За дверью ждал Макхенти. Выглядел он уже не так уверенно. Очевидно, понимал, что из рук вон плохо провел допрос.

– Мне необходимо задать вам еще несколько вопросов, – сказал он.

– Мы уходим, – тихо и спокойно произнесла Джинни. –

Лиза слишком расстроена, чтоб отвечать на ваши вопросы прямо сейчас.

Он занервничал.

– Но она должна, обязана отвечать! Ведь именно она сделала заявление об изнасиловании.

– Никто меня не насиловал, – сказала Лиза. – Произошла ошибка. Все, чего я хочу, – это попасть домой, и чем быстрее, тем лучше.

– В таком случае вы осознаете, что теперь вас могут привлечь к ответственности за голословные обвинения?

– Эта женщина не преступница! – сердито парировала Джинни. – Она жертва преступления. И если ваш босс спросит, почему она отозвала жалобу, можете сказать, что по причине жестокого с ней обращения со стороны патрульного Макхенти из Балтиморского управления полиции. А теперь я забираю ее домой. Так что прошу прощения... – И с этими словами Джинни обняла подругу за плечи, и они обе проследовали к выходу мимо остолбеневшего полицейского.

Краем уха Джинни расслышала его слова:

– Что я сделал?..

Беррингтон Джонс взглянул на двух самых старых своих друзей.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он. – Нам уже под шестьдесят. Но ни один из нас никогда не зарабатывал больше пары сотен тысяч долларов в год. Теперь нам предлагают по шестьдесят миллионов каждому! А мы сидим здесь и толкуем о том, что нам не с руки принимать это предложение!

Престон Барк заметил:

– Даже за деньги никогда на такое не пойду.

Сенатор Пруст сказал:

– Все же я не совсем понимаю. Если я владею одной третью компании, общая стоимость которой тянет на сто восемьдесят миллионов баксов, так как же получилось, что я до сих пор езжу на «краун-виктория» трехлетней давности?

Этим троим принадлежала небольшая частная компания, занимавшаяся биотехнологическими разработками, под названием «Дженетико инкорпорейтед». Престон занимался рутинной работой; Джим с головой ушел в политику, а Беррингтон стал академиком. Но предприятие было детищем Беррингтона. Как-то в самолете, летевшем в Сан-Франциско, он познакомился с управляющим «Ландсманна», германского фармацевтического концерна, заинтересовал его своими разработками, и тот предложил сделку. И вот теперь Бер-

рингтону предстояло убедить партнеров принять предложение. Но это оказалось сложнее, чем он предполагал.

Они собрались в небольшом кабинете дома в Роланд-Парке, на окраине Балтимора. Дом принадлежал университету Джонс-Фоллз и сдавался внаем приезжей профессуре. Беррингтон, являвшийся профессором университета в Беркли, штат Калифорния, а также в Гарварде и Джонс-Фоллз, использовал его шесть недель в году, когда приезжал в Балтимор. И личных его вещей в этом кабинете было немного: переносной компьютер, фото бывшей жены и сына, а также несколько экземпляров его недавно вышедшей книги под названием «Наследовать будущее: Как геновая инженерия поможет преобразить Америку». Звук телевизора был приглушен, показывали церемонию вручения премий «Эмми».

Престон был худощавым подвижным и очень непосредственным человеком. Один из наиболее выдающихся ученых своего поколения, он походил, скорее, на бухгалтера.

– Клиники всегда помогали зарабатывать деньги, – сказал он. «Дженетико» принадлежали три клиники по искусственному оплодотворению. Работа их базировалась на концепции *in vitro* – выращивании эмбрионов в пробирках, что стало возможно благодаря новаторским разработкам Престона, сделанным еще в 70-х годах. – Искусственное оплодотворение является в Америке одним из наиболее перспективных направлений медицины. И с помощью «Дженетико» «Ландсманн» пробьет себе путь на этот поистине необъятный ры-

нок. Они наверняка захотят, чтобы мы на протяжении десяти ближайших лет открывали по пять таких клиник в год.

Джим Пруст был лысым загорелым мужчиной с крупным носом, в очках с толстыми стеклами. Его характерное некрасивое лицо было просто подарком для политических карикатуристов. Они с Беррингтоном были друзьями и коллегами вот уже двадцать пять лет.

– Но как же вышло, что мы никогда не видели никаких денег? – спросил Джим.

– Мы постоянно тратили их на новые исследования, – ответил Престон.

У «Дженетико» имелись собственные лаборатории, компания заключала договоры на проведение исследований в области биологии и психологии с факультетами различных университетов. Связи с академическим миром устанавливал и поддерживал Беррингтон.

– Не понимаю, почему вы двое отказываетесь видеть, какой это огромный шанс для нас! – едва ли не с отчаянием в голосе воскликнул Беррингтон.

Джим указал на телевизор.

– Прибавь звук, Берри, сейчас будут показывать тебя.

Церемония «Эмми» закончилась, ее сменило шоу знаменитого ведущего Ларри Кинга. С ним беседовал Беррингтон. Он терпеть не мог Ларри Кинга, считал его коммунистом, перекрасившимся в либерала, но шоу предоставляло возможность выйти на многомиллионную аудиторию американцев.

Он внимательно посмотрел на свое телеизображение и остался доволен тем, что увидел. В жизни он был коротышкой, но на экране все одного роста. Темно-синий костюм сидел на нем просто великолепно, голубая рубашка выгодно оттеняла цвет глаз, галстук Беррингтон выбрал темно-красный, цвета бургундского, и на экране он не выглядел вызывающим. Но, будучи человеком самокритичным, профессор не преминул отметить про себя, что серебристые волосы уложены, пожалуй, слишком тщательно, отчего напоминают парик, — ни дать ни взять какой-нибудь евангелист, вещающий с телеэкрана.

Кинг в своих фирменных подтяжках был настроен агрессивно, в голосе его звучал вызов:

— Профессор, ваша последняя книга снова вызвала настоящий бум. Но скоро страсти улягутся, люди разберутся и поймут, что это не наука. Это политика! Что вы можете сказать в свое оправдание?

Беррингтон обрадовался, услышав, как спокойно и рассудительно звучит его голос:

— Я пытался сказать в этой книге, что политические решения должны опираться на науку и здравый смысл, Ларри. Что природа, если ее оставить в покое, будет способствовать развитию и выживанию хороших генов и уничтожению плохих. А наша политика работает против естественного отбора. Поэтому-то у нас растет поколение второсортных американцев.

Джим сделал глоток виски и заметил:

– Прекрасно сказано – «поколение второсортных американцев»! Достоинство цитирования.

Ларри Кинг не унимался:

– Ну хорошо, допустим, вы настаиваете на своем. Но что произойдет тогда с детьми бедняков? Им что, прикажете с голоду подыхать?

Лицо Беррингтона на экране приобрело скорбное выражение.

– Мой отец погиб в сорок втором году, когда затонул авианосец «Васп», подбитый торпедой, выпущенной с японской подводной лодки. Мне было всего шесть лет. Мама из кожи вон лезла, чтобы вырастить меня и дать мне образование. Я, Ларри, тоже был бедняком.

В общем, это было близко к истине. Отец Берри, талантливый инженер, оставил его матери содержание, достаточное для того, чтобы ей не пришлось искать себе работу или попытаться выйти замуж еще раз. И она отправила сына в дорогую частную школу, а затем и в Гарвард. Но это вовсе не означало, что ему не пришлось бороться за существование.

Престон заметил:

– А ты неплохо выглядишь, Берри. Не считая этой дурацкой прически в стиле вестерн или кантри.

У пятидесятипятилетнего Престона, самого молодого из троицы, были короткие черные волосы, так тесно прилегающие к черепу, что прическа напоминала шапочку.

Беррингтон раздраженно фыркнул. Он и сам думал так же, но ему не хотелось услышать это от кого-то другого. Он тоже налил себе немного виски. Они пили редкий и дорогой сорт – «Спингбэнк».

Ларри Кинг с экрана сказал:

– Ну а с чисто философской точки зрения чем ваши взгляды так уж отличаются от, скажем, нацистских?

Беррингтон нажал кнопку на пульте дистанционного управления и выключил телевизор.

– Наблюдаю этот бред вот уже десять лет, – заметил он. – Три книжки – и миллион дурацких ток-шоу после выхода каждой из них. В чем разница? Да ни в чем!

– Нет, разница все же есть, – заметил Престон. – На этот раз ты сделал генетику и расу темами для обсуждения. Просто немного поторопился, вот и все.

– Поторопился? – раздраженно воскликнул Беррингтон. – Еще бы не торопиться! Через две недели мне стукнет шестьдесят. Мы все стареем. И у нас осталось не так уж много времени.

– Он прав, Престон, – сказал Джим. – Ты что, забыл, как обстояли дела, когда мы были молодыми? Смотрели и видели, как Америка катится к черту в преисподнюю! Гражданские права для ниггеров, это надо же! Мексиканцы так и прут со всех сторон; в лучших школах полно детей евреев-коммунистов. Наши дети курят травку и избегают спорта. Есть от чего прийти в отчаяние, Господь свидетель! Вы

только посмотрите, что произошло с тех пор! Даже в самом страшном сне нам не снилось, что нелегальная торговля наркотиками превратится в самый процветающий бизнес в Америке, что треть младенцев будет появляться на свет из пробирки или с помощью искусственного оплодотворения! И мы единственные, у кого есть мужество противостоять всему этому кошмару. Ну, если не единственные, то одни из немногих. А все остальные закрывают глаза на этот кошмар и тупо надеются на лучшее.

«А они совсем не изменились», – подумал Беррингтон. Престон всегда был осторожен и труслив, Джим хвастлив и уверен в себе. Он так долго знал этих людей, что даже их недостатки стали милы его сердцу. И еще он привык к роли арбитра, всегда выбирающего некий средний курс.

– Как обстоят наши дела с немцами, Престон? – спросил он. – Просвети-ка нас на этот счет.

– Мы близки к принятию окончательного решения, – ответил Престон. – Примерно через неделю они собираются объявить об этом решении на пресс-конференции.

– Через неделю? – В голосе Беррингтона слышалось возбуждение. – Это же замечательно!

Престон покачал головой:

– Если честно, у меня все еще есть сомнения.

Беррингтон раздраженно хмыкнул.

Престон пояснил:

– Нам предстоит пройти через весьма неприятную про-

цедуру представления сведений о нашей деятельности. Придется открыть все карты людям «Ландсманна», его бухгалтерам, рассказать о том, что может повлиять на будущие доходы, о кредиторах, которые готовы подать на нас в суд.

– Но ведь у нас ничего такого вроде бы нет? – спросил Джим.

Престон мрачно посмотрел на него.

– У каждой компании имеются свои секреты.

В комнате на мгновение воцарилась гробовая тишина. Затем Джим сказал:

– Черт, но ведь это же было так давно!

– И что с того? Стоит только чему-нибудь раскрыться, и тут же все всплывет.

– Но «Ландсманн» просто не сможет узнать обо всем этом, особенно за оставшуюся неделю.

Престон пожал плечами:

– Как знать...

– Придется пойти на риск, – сказал Беррингтон. – Вливание капитала, которое мы рассчитываем получить от «Ландсманна», поможет сильно продвинуть наши исследовательские программы. И даст Бог, через пару лет любой состоятельный белый американец, который обратится к нам в клинику, сможет получить совершенного младенца, плод генной инженерии.

– Но что это изменит? – воскликнул Престон. – Все равно бедняки будут плодиться и размножаться быстрее богатых.

– Ты забываешь о политической платформе Джима, – заметил Беррингтон.

Джим откашлялся и сказал:

– Единый подоходный налог не выше десяти процентов плюс принудительные контрацептивные инъекции за государственный счет.

– Ты только вдумайся, Престон! – воскликнул Беррингтон. – Совершенные дети для среднего класса, стерилизация для бедняков. Мы начнем устанавливать в Америке нормальный расовый баланс. Ведь это именно то, о чем мы мечтали в старые добрые времена!

– О, тогда мы были идеалистами, – вздохнул Престон.

– И были правы! – сказал Беррингтон.

– Да, мы были правы. Но чем старше я становлюсь, тем чаще думаю, что мир как-нибудь обойдется и без осуществления наших замыслов и идей, которыми мы бредили в двадцать пять лет.

Подобное высказывание попахивало саботажем.

– Зато теперь мы можем осуществить наши планы, – возразил Беррингтон. – Все, над чем мы не покладая рук трудились вместе на протяжении последних тридцати лет. Все теперь может и должно окупиться: наш риск, все эти годы кропотливой работы, деньги, которые мы потратили, – все принесет плоды. Так что не дави нам на психику, Престон! И сам не психуй.

– Нервы у меня крепкие, я просто хотел бы обратить ва-

ше внимание на реальные практические проблемы, – раздраженно парировал Престон. – Джим, конечно, волен предлагать свою политическую платформу, но это вовсе не означает, что она осуществится.

– А вот тут на сцене появится «Ландсманн», – сказал Джим. – Деньги, которые мы получим от своих долей в компании, позволят нам стартовать с дальним прицелом.

– Что ты имеешь в виду? – несколько растерялся Престон. Беррингтон знал, что последует дальше, и не сдержал улыбки.

– Белый дом, вот что, – ответил Джим. – Я собираюсь баллотироваться в президенты.

За несколько минут до полуночи Стив Логан припарковал свой старенький белый «датсун» на Лексингтон-стрит в Холлинс-Маркет, к востоку от центра Балтимора. Он собирался переночевать в доме своего двоюродного брата Рики Мензиса, студента медицинского факультета университета Мэриленда в Балтиморе. В большом старом доме, где жили преимущественно студенты, Рики принадлежала одна комната.

Рики был самым заводным парнем из всех, кого знал Стив. Он любил выпить и потанцевать на вечеринке, и друзья у него были соответствующие. Стив же рассчитывал провести вечер наедине с Рики. Но подобные люди, как правило, не очень надежны. В последний момент Рики куда-то пригласили, кажется, на свидание, и он умчался. Стиву пришлось коротать вечер в одиночестве.

Он вылез из машины, прихватив небольшую спортивную сумку с одеждой. Вечер выдался теплый. Стив запер машину и подошел к дому. На углу, возле витрины магазина видеозаписей, тусовалась кучка юнцов, четверо или пятеро парней и одна девчонка, все черные. Стив несколько не испугался, хоть и был белым; он не выглядел здесь чужим со своим старым автомобилем и в потрепанных, полинялых джинсах. К тому же он был на несколько дюймов выше этих ребят. Когда он проходил мимо, один из парней сказал ему тихо, но

внятно:

– Эй, травки купить не хочешь? Дурью разжиться не против?

Стив, не останавливаясь, отрицательно покачал головой.

Навстречу ему шла очень высокая чернокожая женщина в короткой юбке и туфлях на шпильке. Волосы высоко зачесаны, на губах алая помада с блестками, веки подведены голубыми тенями. Он уставился на нее, не в силах оторвать изумленных глаз от этого чуда. Подойдя поближе, женщина низким мужским голосом произнесла:

– Привет, красавчик!

Стив понял, что на самом деле это вовсе не женщина, а мужчина, и зашагал дальше.

Он услышал, как ребята на углу поздоровались с трансвеститом:

– Привет, Дороти!

– Здравствуйте, мальчики!

Секунду спустя он услышал, как взвизгнули шины, и обернулся. Белый полицейский автомобиль с серебристо-синей полосой притормозил на углу. Часть юнцов тут же растворились в ночи, но двое или трое остались. Из машины не спеша вылезли два чернокожих полисмена. При виде Дороти один из них смачно сплюнул на тротуар. Плевков угодил на остроконечный носок красной туфли на высоченном каблучке.

Стив был потрясен. Столь оскорбительный жест ничем не

был оправдан. Однако Дороти и не думала останавливаться, лишь прошипела сквозь зубы:

– В гробу я вас видала, грязные задницы!

Произнесла она эти слова совсем тихо, но слух у полицейских, как правило, отменный. Один из них ухватил Дороти за рукав, толкнул и ударил об витрину. Дороти едва устояла на своих каблучищах.

– Не смей так говорить со мной ты, кусок дерьма! – сказал коп.

Стив возмутился. Как прикажете отвечать на такое оскорбление, как плевок?

Тут в сознании его прозвучал предупредительный сигнал. *Не смей вмешиваться! Не вздумай драться, Стив!..*

Второй полицейский стоял, привалившись спиной к машине, и молча и равнодушно наблюдал за этой сценой.

– Да в чем дело, брат? – заискивающим голосом осведомилась Дороти. – Разве я тебя чем-то побеспокоила?

Полицейский пнул трансвестита в живот. Здоровенный мясистый парень, он вложил в этот пинок весь свой немалый вес. Дороти согнулась пополам, беспомощно хватая ртом воздух.

– Да шут с ними со всеми, – сказал себе Стив и собрался было завернуть за угол.

Что ты делаешь, Стив?

Дороти все еще ловила воздух широко раскрытым ртом.

Стив сказал:

– Добрый вечер.

Коп поднял на него глаза.

– Вали отсюда, козел!

– Нет, – произнес Стив.

– Что ты сказал?!

– Я сказал «нет». Оставьте этого человека в покое.

Уходи, Стив, придурок ты несчастный, сматывай удочки!

Тут на помощь ему пришли ребята.

– Да, именно, – произнес высокий худой паренек с наголо обритой головой. – Чего прицепился к Дороти, она ведь не нарушала закона!

Коп ткнул в сторону парнишки пальцем.

– Повякай еще тут, сучье отродье! Вот загребу тебя за наркоту, тогда будешь знать! Мало не покажется!

Парнишка опустил глаза.

– Вообще-то он прав, – заметил Стив. – Дороти никаких законов не нарушает.

Коп подошел к Стиву. *Только не бей его, что бы он ни делал, не смей поднимать на него руку! Помни Тина Хендрикса.*

– Ты чего, ослеп? – спросил полицейский.

– В каком смысле?

Второй полицейский, стоявший у машины, крикнул:

– Эй, Ленни, да пошли они все на хрен! Поехали! – Ему, похоже, было не по себе.

Но Ленни проигнорировал слова напарника и не отставал

от Стива:

– Неужто еще не врубился? Ты единственная белая морда на этой картине. Ты здесь чужак, так что вали, пока не поздно!

– Но я только что стал свидетелем преступления.

Полицейский подошел к Стиву поближе. Совсем близко.

– Хочешь прокатиться с нами в участок? – спросил он. – Или свалишь отсюда по-быстрому и не будешь мозолить глаза?

Меньше всего Стиву хотелось ехать в участок. Им ничего не стоит подбросить ему в карман пакетик с порошком или избить, а потом заявить, что он оказал сопротивление при аресте. Стив учился в юридическом колледже и понимал, что если его обвинят в каком-либо преступлении, то частной практики ему не видать. Зря он все это затеял. Не стоило рисковать карьерой из-за того, что полицейские прицепились к какому-то трансвеститу.

Но это неправильно! Теперь они цеплялись не только к трансвеститу, но и к нему. Это полицейский нарушал закон. И Стив просто не мог отступить.

Он изо всех сил старался, чтобы голос его звучал убедительно и спокойно:

– Я не хочу неприятностей, Ленни. Почему бы тебе не отпустить Дороти? И тогда я забуду, что ты ударил этого человека. Идет?

– Да ты никак мне угрожаешь, сучий потрох?!

Удар в солнечное сплетение, затем еще два, по ушам. Первый – по необходимости, два других – уже ради искусства. И этот здоровенный коп рухнет, точно лошадь со сломанной ногой.

– Просто делаю тебе дружеское предложение.

Похоже, этот коп специально нарывается на неприятности. И Стив не видел выхода из этой ситуации. Уж лучше б Дороти ушла себе потихоньку, пока Ленни стоит к ней спиной. Но трансвестит не двигался с места и наблюдал за сценой, потирая синяк на животе и явно наслаждаясь яростью полицейского.

Но тут вмешалась рука судьбы: в машине ожило радио. Полицейские застыли и прислушались. Стив не мог разобрать слов, но напарник Ленни сказал:

– Нападение на полицейского. Едем!

Ленни все еще колебался, злобно поглядывая на Стива, но тому показалось, что в глазах копа мелькнуло облегчение. Возможно, и он тоже обрадовался шансу выбраться из скверной ситуации.

– Ты меня еще попомнишь! – злобно прошипел он Стиву. – Потому что я взял тебя на заметку. Еще встретимся. – С этими словами Ленни нырнул в автомобиль, с грохотом захлопнул дверцу, и машина отъехала.

Ребята захлопали в ладоши и заулюлюкали.

– Мерси! – шутовски поклонился им Стив. – Знатная получилась заварушка.

И глупая. Ты ведь прекрасно понимал, чем все это могло закончиться. Ты ведь себя хорошо знаешь.

В этот момент появился его кузен Рики.

– Что случилось? – спросил он, глядя вслед полицейской машине.

Подошла Дороти, положила руки на плечи Стиву.

– Мой герой! – кокетливо воскликнула она. – Джон Уэйн!

Стив смутился.

– Перестаньте!..

– В любой миг, как только захочется круто поразвлечься, мистер Джон Уэйн, приходите. Для вас всегда бесплатно.

– Огромное спасибо...

– Я бы вас расцеловала, но вижу, вы у нас чересчур стеснительный! Душка!.. Так что я просто скажу спасибо! И пока! – И Дороти, игриво пошевелив наманикюренными пальчиками, скрылась в ночи.

– Пока, Дороти!

Рики со Стивом двинулись в противоположном направлении. Рики заметил:

– Вижу, ты уже обзавелся друзьями в нашей округе.

Стив рассмеялся.

– Знаешь, я едва не вляпался в серьезные неприятности. – В голосе его звучало облегчение. – Тупоголовый коп начал избивать этого парня в юбке, и я, дурак, попросил его перестать.

Рики был потрясен.

– Тебе крупно повезло, еще легко отделался.

– Знаю.

Они дошли до дома Рики. В подъезде пахло то ли сыром, то ли прокисшим молоком. Зеленые стены были изрисованы граффити. Они обошли велосипеды, прикованные цепями к батареям, и поднялись по лестнице. Стив сказал:

– Нет, я не понимаю! К чему было бить Дороти по животу? Парню нравится носить мини-юбки и макияж, так на здоровье, кому, черт возьми, это мешает?

– Полностью с тобой согласен.

– И почему Ленни сходит все это с рук? Только потому, что на нем форма полицейского? Но ведь полицейские должны подавать пример!

– Как же, дожидайся!

– Вот поэтому-то я и захотел стать юристом. Чтобы такие вещи были невозможны в принципе. Скажи, а у тебя есть герой? Ну, человек, на которого ты хотел бы походить?

– Разве что Казанова...

– Ральф Нейдер. Адвокат. Он мой идеал. Он судится с крупнейшими, могущественнейшими корпорациями Америки и всегда выигрывает!

Рики засмеялся и обнял Стива за плечи. Они вошли в комнату.

– А мой двоюродный брат, оказывается, идеалист!

– Да ну тебя к черту!

– Кофе будешь?

– Конечно.

Маленькая комната Рики была заставлена всяким хламом. Кровать, обшарпанный письменный стол, продавленная кушетка и большой телевизор. На стене висел плакат с изображением обнаженной женщины, на теле которой был отмечен весь скелет – от теменной кости головы до фаланг пальцев ног. В комнате имелся и кондиционер, но он не работал.

Стив сел на кушетку.

– Ну, как прошло свидание?

– Не оправдало ожиданий, – ответил Рики и налил воды в чайник. – Нет, Мелисса классная штучка, но я бы не вернулся сегодня домой, если б она сходила по мне с ума, как мне сначала показалось. Ну а ты чем занимался?

– Ездил взглянуть на кампус Джонс-Фоллз. Понравилось, очень здорово. И еще встретил там одну девушку. – Он весь так и посветлел при этом воспоминании. – Видел, как она играет в теннис. Шикарная девчонка, высокая, стройная, спортивная. А уж подача у нее так просто убийственная, прямо как выстрел из базуки. Нет, ей-богу!

– Вот уж никогда не слышал, чтобы кто-то влюбился в девушку лишь потому, что она здорово играет в теннис, – усмехнулся Рики. – Она хоть хорошенькая?

– Нет, хорошенькой ее не назовешь. Но очень интересная. – Умное, волевое лицо... – Оно так и стояло перед глазами Стива. – Темно-карие глаза, роскошные черные воло-

сы... А в левой ноздре такое маленькое тоненькое серебряное колечко. Шикарно!

– Правда? Оригинально, ничего не скажешь!..

– Пожалуй.

– А как ее зовут?

– Не знаю. – Губы Стива искривились в улыбке. – Сразу меня отшила. Может, вообще ее больше никогда не увижу.

Рики разлил кофе по кружкам.

– Наверное, оно и к лучшему. У тебя ведь есть постоянная девушка?

– Вроде того. Селин. Мы учимся вместе. – Стив посещал колледж в Вашингтоне, округ Колумбия.

– Ты с ней спишь?

– Нет.

– Почему нет?

– Ну, мы еще не достигли такой степени привязанности.

Рики удивился.

– Лично я этого не понимаю, – заметил он. – Ты считаешь, что надо привязаться к девушке, прежде чем трахнуть ее, так, что ли?

Стив несколько растерялся.

– Просто мне всегда казалось, что так должно быть.

– Всегда?

– Ну, не совсем, конечно. Когда учился в старшем классе, проделывал с девчонками все, что они мне позволяли. И сколько же их у меня было, не перечесть! Точно рекорд хотел

поставить. Готов был трахнуть любую симпатичную девчонку, которая согласится снять трусики... Но это было тогда, а теперь все совсем по-другому. И сам я уже не мальчишка.

– А сколько тебе? Двадцать два?

– Да.

– Мне двадцать пять, но я к этой проблеме отношусь более легкомысленно. Видно, так и не повзрослел.

Стив уловил в его голосе упрек.

– Давай без критики, о'кей?

– О'кей! – Рики был парнем отходчивым. – Ну и что ты делал после того, как она тебя отшила?

– Отправился в бар в Чарлз-Виллидж, выпил два пива, съел гамбургер.

– Напомнил! Знаешь, я жутко проголодался. Хочешь чего-нибудь пожевать?

– А что у тебя есть?

Рики открыл кухонный буфет.

– Только хлопья. «Ягоды Бу», «Рисовые хрустящие», «Граф Чокула». Выбирай!

– «Граф Чокула» звучит соблазнительно.

Рики насыпал хлопья в миски, налил молока, и оба они начали с аппетитом есть. Потом вымыли миски и стали готовиться ко сну.

Стив улегся на кушетку в шортах и без одеяла – было страшно жарко; Рики лег в постель. Они продолжали болтать. Рики спросил:

– А что ты собираешься делать в университете Джонс-Фоллз?

– Меня попросили поучаствовать в одном исследовании. Психологические тесты, прочая ерунда.

– Почему выбрали именно тебя?

– Понятия не имею. Сказали, что я какой-то особый случай. И что объяснят все подробнее в ходе работы.

– Но зачем ты согласился? Лично мне кажется, что все это пустая трата времени.

У Стива имелись свои особые причины, но он вовсе не собирался говорить о них Рики. А потому ответ его был не совсем правдивым:

– Наверное, из чистого любопытства. Ну вот, к примеру, тебе разве не интересно узнать о себе? Кто ты, что ты, чего ждешь от жизни?

– Я это точно знаю. Хочу стать модным хирургом и зарабатывать миллион баксов в год, вставляя бабам имплантаты вместо груди. Наверное, я простой человек.

– Ну а ты не спрашивал себя, зачем все это?

Рики расхохотался.

– Нет, Стив, не спрашивал. А вот ты спрашиваешь. Ты всегда у нас был мыслителем. С детства задавался вопросами о Боге и всем таком прочем.

Это было правдой. Стив прошел через «религиозную» фазу в возрасте тринадцати лет. Посетил несколько христианских церквей, синагогу и мечеть и везде расспрашивал свя-

ценнослужителей об их религии. Все это приводило в полное недоумение родителей, которые были агностиками.

— Ты всегда был немного другим, — продолжил свою мысль Рики. — Я не знаю ни одного человека, который бы с такой легкостью, ничуть не напрягаясь, получал бы самые высокие оценки по всем предметам.

И это тоже было правдой. Стив всегда и с легкостью становился первым учеником в классе. И омрачало ситуацию лишь то, что другие ребята его дразнили, и тогда он нарочно делал ошибки, чтоб не восстанавливать против себя класс.

Была, однако, еще одна причина, по которой его интересовала собственная психика. Рики о ней не знал. Никто в школе не знал. Знали только родители.

Однажды Стив едва не убил человека.

Ему в то время было пятнадцать. Высокий, но худенький подросток, он стал капитаном школьной баскетбольной команды. И в тот год команда его школы, школы Хиллсфида, вышла в полуфинал городского чемпионата. Они играли против команды самых отпетых уличных хулиганов и драчунов из школы на окраине Вашингтона. Особенно много неприятностей доставлял Стиву парень по имени Тип Хендрикс, игравший грубо и жестко на протяжении всего матча. Игроком Тип был неплохим, но весь свой талант он направлял на обман и запугивание противника. И всякий раз, когда ему удавалась какая-нибудь особенно грубая и подлая выходка, он улыбался во весь рот, словно говоря: «Хочешь на-

рваться опять, сопляк?» Это приводило Стива в бешенство, но он старался не показывать свою ярость. И потому играл плохо, и его команда, потерпев поражение, так и не получила заветного приза.

Совершенно случайно Стив столкнулся с Типом на автостоянке, там, где команды поджидали автобусы, которые должны были развезти их по школам. Как назло, один из водителей менял в это время колесо, и его чемоданчик с инструментами стоял рядом открытый.

Стив решил не обращать внимания на Типа, но тот вытащил изо рта окурки и ткнул им в нагрудный карман пиджака Стива.

Пиджак этот значил для Стива очень многое. По воскресеньям он подрабатывал в «Макдоналдсе», накопил денег и купил этот чертов пиджак как раз накануне матча. Шикарная была шмотка – из тонкой мягкой кожи цвета сливочного масла, и вот теперь прямо на груди, на самом видном месте, образовалось безобразное горелое пятно. Пиджак был испорчен. И Стив ударил обидчика.

Тот врезал ему в ответ, и началась отчаянная драка с ляганием и кусанием. Но ярость Стива была столь велика, что он почти не чувствовал боли. Физиономия Типа была залита кровью, и тут он заметил чемоданчик с инструментами и выхватил оттуда металлическую отвертку. И дважды ударил ею Стива по лицу. Удары были болезненны, но к этому моменту Стивом владела уже совершенно слепая ярость. Он отобрал

у Типа оружие – и больше ничего не помнил. Очнулся, лишь увидев, что стоит над телом Типа, зажав в руке окровавленную отвертку, а кто-то кричит страшным голосом:

– Боже милостивый и всемогущий! Да он мертв!

На самом деле Тип тогда не умер. Умер он два года спустя, его пришил какой-то торговец марихуаной с Ямайки, которому Тип задолжал восемьдесят пять долларов. Но тогда Стив хотел убить его, он *старался* его убить. И снисхождения к нему быть не могло – ведь именно он нанес первый удар. И пусть Тип первым взял железяку, но ведь именно Стив использовал это оружие с такой жестокостью.

Стива приговорили к шести месяцам тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговора. После суда он переходил из школы в школу и везде успешно сдавал экзамены. Во время драки он был несовершеннолетним, а потому судимость за ним не числилась, это и позволило поступить в юридический колледж. Отец с матерью вспоминали об этом случае как о некоем кошмаре, который наконец кончился. Но у Стива были сомнения. Он понимал, что лишь волей случая и благодаря живучести Типа спасся от другого суда, где его судили бы уже за убийство. Ведь Тип Хендрикс, пусть хулиган и негодяй, все же в первую очередь был человеком, а он едва не убил его из-за какого-то пиджака. Он лежал на продавленной кушетке, слушал тихое посапывание Рики и думал: «Кто я? Кто?..»

Понедельник

5

– А ты встречала когда-нибудь мужчину, за которого тебе хотелось бы выйти замуж? – спросила Лиза.

Они сидели за столом в квартире Лизы и пили растворимый кофе. Квартирка была такая же симпатичная, как и ее хозяйка: репродукции картин с цветами, китайский фарфор, плюшевый медвежонок с бантиком в горошек.

Лиза хотела взять сегодня выходной, а Джинни уже оделась и собиралась на работу. На ней была строгая темно-синяя юбка и белая хлопковая блуза. День предстоял ответственный: первый из ее испытуемых должен был явиться в лабораторию, и Джинни немного волновалась. Интересно, подтвердит ли он ее теорию или, напротив, опровергнет? Что ж, к концу дня будет ясно.

Однако она медлила с уходом до последнего момента. Не хотелось оставлять Лизу одну, она была еще очень слаба. И Джинни не могла придумать ничего лучшего, как сидеть и болтать с ней о мужчинах и сексе, как они частенько болтали. Она надеялась, что это поможет подруге вернуться к реальности и нормальной жизни. Хотелось бы побыть с ней все утро, но это было невозможно. Жаль, что Лизы не будет

сегодня в лаборатории, она всегда так помогала Джинни, но об этом и думать нечего.

– Да, был один, – ответила после паузы Джинни. – Парень, за которого я хотела бы выйти замуж. Звали его Уилл Темпл. Он был антропологом. До сих пор работает антропологом. – Джинни тут же живо представила себе Уилла: высокий крупный мужчина со светлой бородкой, в синих джинсах и рыбацком свитере крупной вязки, тащит велосипед по университетским коридорам.

– Да, помню, ты о нем говорила, – кивнула Лиза. – А какой он был?

– О, он был замечательный! – вздохнула Джинни. – Всегда умел рассмешить меня, ухаживал за мной, когда я болела. И еще, помню, всегда гладил свои шорты сам. Да и аппарат у него был как у жеребца.

Лиза даже не улыбнулась.

– И почему вы расстались?

Джинни было до сих пор больно вспоминать об этом.

– Он бросил меня из-за Джорджины Тинкертон-Росс. – И она пояснила: – Из семьи Тинкертон-Россов из Питсбурга.

– И какая она была?

Джинни совсем не хотелось вспоминать о Джорджине. Но ее задачей было отвлечь Лизу от мыслей о случившемся, а потому она, призвав на помощь всю свою выдержку, начала описывать:

– О, она была само совершенство! – Тут Джинни не удержалась.

жалась от сарказма: – Натуральная блондинка, фигурка как песочные часы, всегда одета с безупречным вкусом в кашемировые свитера и туфли из крокодиловой кожи. Нет, мозгов там не наблюдалось, зато имелся огромный трастовый фонд.

– И когда это все произошло?

– Мы с Уиллом прожили к тому времени год, я работала над докторской диссертацией. – Это было счастливейшее время в ее жизни. – И он собрал свои вещи и ушел от меня как раз тогда, когда я писала статью о генетически криминальном типе личности. – *Прекрасное выбрал время, Уилл, самое подходящее. Жаль, но почему-то ненавижу тебя, как тогда, у меня просто нет сил.* – Ну а потом Беррингтон предложил мне работу в Джонс-Фоллз, и я ухватилась за это предложение.

– Все мужчины – подлецы!

– Да нет, Уилла вряд ли можно назвать подлецом. Красивый был парень и добрый. Он просто влюбился в нее, вот и все. И думаю, сильно промахнулся, сделав такой выбор. И потом, мы ведь не были женаты в нормальном понимании этого слова, да и обещаний друг другу не давали. Он даже не изменял мне, ну, может, раз или два, а потом сам сознавался. – Джинни вспомнила, какие слова бормотал тогда Уилл в свое оправдание. – Не знаю. Может, в конечном счете он и был подлецом.

– Возможно, нам следовало бы вернуться к викториан-

ским временам, когда мужчина, поцеловавший девушку, считал себя помолвленным. По крайней мере девушки тогда бы знали, на что могут рассчитывать.

Подобная перспектива взаимоотношений показалась Джинни не только нереальной, но и глуповатой, однако говорить этого подруге она не стала. И вместо этого спросила:

– Ну а ты? Ты встречала когда-нибудь мужчину, за которого хотела выйти замуж?

– Никогда. Ни разу.

– Потому что у нас с тобой высокие требования. Ладно, не волнуйся. Когда мистер То, Что Надо возникнет, ты сразу поймешь – это он. И все будет замечательно.

Тут вдруг раздался резкий звонок в дверь. Лиза даже подпрыгнула и задела краешек стола. Фарфоровая ваза свалилась на пол и разбилась.

– Черт!.. – пробормотала Лиза.

Нервы у нее все еще никуда не годятся.

– Я соберу осколки, – сказала Джинни, – а ты посмотри, кого это там принесло.

Лиза щелкнула пультом дистанционного управления. И озабоченно нахмурилась, разглядывая фигуру на мониторе.

– Кажется, я догадываюсь, кто это, – сказала она и нажала на кнопку, открывающую входную дверь.

– Кто? – спросила Джинни.

– Детектив из отдела по борьбе с преступлениями на сексуальной почве.

Джинни испугалась, что этот незваный гость снова выведет Лизу из равновесия. Замучает назойливыми расспросами, а это ей сейчас совершенно ни к чему.

– Почему не сказала ему, чтоб проваливал?

– Может, потому, что это она, и черная, – ответила Лиза.

– Что, правда?

Лиза кивнула.

Что ж, умно с их стороны, подумала Джинни, собирая осколки вазы в совок. Ведь копы уже знают, что они с Лизой настроены враждебно по отношению к ним. Понимают, что если б послали белого детектива, мужчину, ему бы просто не открыли дверь. И вот они посылают темнокожую женщину, будучи уверены, что две белые девушки из среднего класса из кожи вон вылезут, стараясь быть с ней полюбезнее. «Но ничего. Если эта дамочка только попробует надавить на Лизу, вышвырну ее отсюда вон, невзирая на цвет кожи и пол», – думала Джинни.

Она обернулась и увидела полную женщину лет сорока в нарядной кремовой блузке с пестрым шелковым шарфиком. В руках у нее был небольшой элегантный портфель.

– Сержант Мишель Делавер, – представилась она. – Можете называть меня просто Миш.

Интересно, что у нее в этом портфельчике, подумала Джинни. Ведь детективы обычно носят при себе стволы, а не портфели.

– Я доктор Джин Феррами, – сказала Джинни. – А это

Лиза Хокстон.

– Мисс Хокстон, – начала женщина-детектив, – у меня просто нет слов, чтобы выразить, насколько я сожалею о случившемся с вами. Мое отделение ежедневно сталкивается с одним случаем насилия – это средняя цифра, разумеется, – и каждый такой случай является страшной трагедией для жертвы. Оставляет незаживающую рану на долгие годы. Я знаю, как вам больно, и понимаю ваши чувства.

Ничего себе, подумала Джинни. Просто разительные перемены по сравнению со вчерашним днем.

– Я почти уже забыла об этом, – сказала Лиза, но ее выдали навернувшиеся на глаза слезы.

– Не возражаете, если я присяду?

– Да, конечно, пожалуйста.

Детектив уселась за кухонный стол.

Джинни внимательно рассматривала ее.

– Смотрю, у вас совсем другие манеры. Не то что у вчерашнего патрульного, – сказала она.

Миш кивнула:

– Я также очень сожалею о том, что мистер Макхенти повел себя неправильно. Нет, его, как и всех полицейских, учили тому, как обращаться с жертвами насилия, просто он, очевидно, забыл эти уроки. И, поверьте, мне страшно стыдно за все наше отделение.

– Словно тебя еще раз изнасиловали, – сквозь слезы пробормотала Лиза.

– Этого больше не случится, – сказала Миш, и в голосе ее послышались сердитые нотки. – Знаете, сколько дел заведено у нас по изнасилованиям? И почти на всех значится: «Не раскрыто». И происходит это вовсе не потому, что пострадавшие лгут. Просто наша система правосудия обращается с ними столь жестоко и бесцеремонно, что они забирают свои заявления.

– Охотно верю, – кивнула Джинни. И тут же решила быть осторожнее в выражениях. Эта Миш говорит с тобой, точно сестра родная, но все равно она коп.

Миш достала из бумажника карточку.

– Вот здесь номер телефона центра содействия жертвам насилия, в том числе и семейного. Каждой жертве рано или поздно требуется помощь.

Лиза взяла карточку и сказала:

– Единственное, чего мне хочется сейчас, так это поскорее обо всем позабыть.

Миш кивнула.

– Советую положить эту карточку куда-нибудь в ящик стола. Возможно, наступит время, когда вы почувствуете, что нуждаетесь в поддержке.

– Хорошо, спасибо.

Джинни решила, что Миш заслуживает хотя бы минимального гостеприимства.

– Кофе хотите? – спросила она.

– С удовольствием.

– Сейчас заварю свежий. – Джинни наполнила кофейник водой.

– Вы вместе работаете? – спросила Миш.

– Да, – ответила Джинни. – Изучаем близнецов.

– Близнецов?

– Оцениваем их сходства и различия, пытаемся выяснить, сколько в них наследственного и что приобретено в ходе развития и воспитания.

– А какова ваша роль во всем этом, Лиза?

– Я должна находить близнецов для изучения.

– И как же вы это делаете?

– Начинаю с бланков регистрации рождения – такая информация имеется в большинстве штатов. На сотню родов приходится одна пара близнецов, так что из ста просмотренных свидетельств о рождении можно выбрать пару. В свидетельствах указаны дата и место рождения. Мы делаем с них копию и начинаем поиски.

– Как?

– У нас имеются электронные версии всех телефонных книг Америки. Используем также базу данных владельцев водительских прав и кредитных карточек.

– И всегда находите своих близнецов?

– О нет, конечно, нет! Успешность поиска зависит от их возраста. Удастся отследить примерно девяносто процентов десятилетних и лишь пятьдесят процентов восьмидесятилетних. Ведь чем старше человек, тем больше вероятности,

что он переезжает с места на место, меняет имя или просто умирает.

Миш взглянула на Джинни.

– А вы, значит, их изучаете?

– Я специализируюсь по однояйцевым близнецам, которые росли и воспитывались отдельно. Найти их гораздо сложнее. – Джинни поставила на стол чашку и налила кофе Миш. Если эта дамочка и планировала начать наступление на Лизу, то она явно с ним затягивает.

Миш сделала глоток кофе и обратилась к Лизе:

– Скажите, в больнице вам давали какие-либо медикаменты?

– Нет. Я пробыла там совсем недолго.

– Они должны были дать вам противозачаточную таблетку. Вы же не хотите забеременеть от этого типа?

Лиза содрогнулась.

– Конечно, нет!

– Сходите к своему врачу-гинекологу. Он даст вам такую таблетку, если, разумеется, это не противоречит его религиозным убеждениям. У некоторых врачей-католиков возникают с этим проблемы. В этом случае могу рекомендовать вам обратиться в центр, о котором уже упоминала.

– Мне кажется, было бы неплохо поговорить с людьми, которые знают об этом не понаслышке, – кивнула Лиза.

– Пожар не был случайностью, – сказала Миш. – Я говорила с начальником пожарной охраны. – Кто-то поджег тряп-

ки и мусор в кладовой рядом с раздевалкой и развинтил вентиляционные трубы, чтобы дым шел прямо туда. Как правило, насильников мало интересует сам секс; по-настоящему их заводит только страх жертвы. Думаю, что пожар он устроил именно с этой целью.

Джинни и в голову не приходила такая возможность.

— А я думала, это был какой-то сексуально озабоченный тип, просто воспользовавшийся пожаром.

Миш покачала головой:

— Нет. Люди такого сорта действуют спонтанно. Назначают свидание какой-нибудь девчонке, видят, что она пьяная или обкурилась дурью, а потому не способна сопротивляться, ну и насилуют. Здесь же прослеживается совсем другой почерк. Тут действовал преступник, склонный все тщательно планировать заранее. Они бывают очень умны и изобретательны и поэтому более опасны.

Джинни воскликнула:

— Я чуть не задохнулась в этом проклятом дыму!

— Насколько я понимаю, вы никогда прежде не видели этого человека? — спросила Миш у Лизы. — Он был вам знаком?

— Кажется, видела... примерно за час до случившегося, — ответила та. — Мы делали пробежку всей хоккейной командой, и мимо проезжала машина. Парень за рулем замедлил ход и пялился на нас. И у меня такое чувство, что это был именно он.

– Что за машина?

– Старая. Это первое, что бросилось в глаза. Белая, много вмятин и ржавчины. Возможно, «датсун».

Джинни думала, что Миш кинется тут же записывать все это, но та продолжала говорить:

– У меня создалось впечатление, что преступление это совершил умный и безжалостный сексуальный извращенец, готовый абсолютно на все, лишь бы потрафить своим низменным желаниям.

– Такого следует изолировать от общества на всю оставшуюся жизнь, – с горечью заметила Джинни.

– Пока что не вышло, – сказала Миш. – Он на свободе. И сделает это еще раз.

– Почему вы так уверены в этом? – скептически спросила Джинни.

– Большая часть насильников принадлежит к разряду так называемых серийных. Исключение составляют разве что сексуально озабоченные, о которых я говорила раньше. Такие могут напасть всего раз. Но мужчины, насилующие совершенно незнакомых женщин, – серийные маньяки и склонны повторять свое преступление снова и снова, до тех пор, пока их не поймают. – Миш внимательно посмотрела на Лизу. – Через семь-десять дней мужчина, изнасиловавший вас, подвергнет издевательствам очередную жертву... если, конечно, мы его до того не схватим.

– О боже! – сказала Лиза.

Джинни поняла, куда клонит Миш. Детектив пытается склонить Лизу к тесному сотрудничеству с полицией. А ведь она, Джинни, твердо вознамерилась всячески оберегать подругу от стресса. Но пока ей нечего возразить на слова детектива.

– Нам необходим анализ ДНК, – сказала Миш.

Лиза поморщилась.

– Вы имеете в виду его сперму?

– Да.

Лиза покачала головой.

– Я приняла душ, потом ванну. Проспринцевалась. От души надеюсь, что во мне ничего от него не осталось, ни единой частички.

– Следы могут оставаться в теле на протяжении сорока восьми, даже семидесяти двух часов. Нам необходим вагинальный мазок, образцы лобковых волос и анализ крови.

Тут вмешалась Джинни:

– Врач, с которым мы столкнулись вчера в больнице Святой Терезы, оказался настоящей задницей, иначе не скажешь.

Миш понимающе кивнула:

– Врачи, как правило, не любят иметь дело с жертвами изнасилований. Ведь им приходится выступать в суде, а это отнимает время и деньги. И незачем вам было туда ехать. Это еще одна ошибка патрульного Макхенти. В нашем городе есть три больницы, специализирующиеся на жертвах сек-

суального насилия, и Святая Тереза вовсе не входит в их число.

– Куда мне лучше поехать? – спросила Лиза.

– Могу порекомендовать госпиталь Милосердия. Там есть специальное отделение судмедэкспертизы. Сокращенно СМЭ.

Джинни кивнула. Госпиталь Милосердия считался крупнейшим в городе.

– Вас примет медсестра, специализирующаяся как раз на таких случаях, – продолжала Миш. – Медсестрами там всегда работают женщины. Они обучены работать с такого рода уликами. В то время как врач, которого вы видели вчера, – нет. Возможно, он бы все только испортил.

По всей видимости, Миш была не слишком высокого мнения о докторгах.

И вот наконец она открыла свой портфель. Джинни подалась вперед, чтобы посмотреть. Там лежал ноутбук. Миш подняла крышку и включила его.

– У нас есть специальная программа под названием ТЭИВ, «техника электронной идентификации внешности». Мы любим сокращения. – Она скупно улыбнулась. – Изобретена неким детективом из Скотланд-Ярда. Помогает составить портрет подозреваемого, не прибегая к услугам художника. – И она выжидательно уставилась на Лизу.

Лиза взглянула на Джинни:

– Ну, что скажешь?

– Расслабься, не поддавайся давлению, – сказала та. – Ты в своем праве. Думай о себе. Делай так, как тебе удобнее.

Миш метнула в сторону Джинни недовольный взгляд.

– Никто на нее не давит. Если хотите, чтобы я ушла, я уйду. Но мне очень хочется поймать этого насильника, и потому мне нужна ваша помощь. Без вас шансы равны нулю.

Джинни восхитилась. Эта Миш сумела взять ситуацию под контроль, едва переступив порог, причем сделала это, не оказывая видимого давления, не прибегая к разного рода хитростям и уловкам. Она знает свое дело, знает, чего хочет.

– Ну, я не уверена... – протянула Лиза.

– Почему бы вам хотя бы не попробовать? – подбодрила ее Миш. – Если что-то не понравится, если вы расстроитесь, мы тут же выключим компьютер, вот и все. А если все пойдет гладко, у меня появится портрет человека, которого я хочу поймать. Покончим с этим, а потом решим, когда вам лучше поехать в госпиталь Милосердия.

Лиза помялась еще немного, затем выдавила:

– Ну ладно, хорошо.

Джинни тут же напомнила ей:

– Ты можешь остановиться в любую минуту, не забывай об этом.

Лиза кивнула.

Миш сказала:

– Вначале сделаем грубый набросок его лица. Он может не иметь ничего общего с настоящим, но нам нужна какая-то

основа. Затем перейдем к деталям. Подумайте хорошенько, сконцентрируйтесь и опишите его хотя бы в общих чертах. Не торопитесь.

Лиза закрыла глаза.

– Белый мужчина примерно моего возраста. Волосы короткие, неопределенного цвета. Глаза светлые, кажется, голубые. Нос прямой...

Миш задвигала «мышкой». Джинни встала у нее за спиной, чтобы видеть экран монитора. Компьютер работал в программе Windows. В верхнем правом углу появилось лицо, разделенное на восемь секторов. Лиза называла отдельные черты, Миш тут же щелкала по названному сектору лица, потом выбирала в меню названные Лизой характеристики: короткие волосы, светлые глаза, прямой нос.

Лиза тем временем продолжала:

– Подбородок квадратный, бороды и усов нет... Ну, как я справляюсь?

– Просто отлично! – Миш щелкнула «мышкой» еще раз, и весь экран заполнило лицо. На женщин смотрел белый мужчина лет под тридцать с правильными чертами лица. Таких кругом тысячи. Миш развернула компьютер так, чтобы и Лиза видела тоже. – Ну а теперь мы будем понемногу менять это прелестное личико. Прежде всего я покажу вам набор лиц с разными формами лба и различными прическами. И вы будете говорить мне просто «да», «нет», «возможно». Готовы?

– Да.

Миш щелкнула «мышью». Лицо на экране изменилось, появились залысины.

– Нет, – сказала Лиза.

Снова щелчок. На сей раз волосы были подстрижены в форме каре, напоминавшего модную в свое время прическу битлов.

– Нет.

Третья прическа состояла из кудрей, и Лиза кивнула:

– А вот это уже ближе. Но кажется, у него был пробор.

Появились кудрявые волосы с пробором.

– Так лучше, гораздо лучше, – оживилась Лиза. – Вот только волосы слишком темные.

– Давайте сначала посмотрим все, – сказала Миш, – а потом вернемся к вариантам, которые вас больше всего устраивают. Когда у нас будет все лицо целиком, можно будет продолжить менять и совершенствовать изображение с помощью ретушера: делать волосы светлее или темнее, сдвигать отдельные черты, состарить лицо или, напротив, омолодить.

Джинни была заморожена процессом, но, по ее расчетам, он должен был занять еще не меньше часа, а ей нужно было идти на работу.

– Мне пора, – сказала она. – Ты как, в порядке, Лиза?

– В полном, – ответила подруга, и Джинни знала, что это правда. Может, так даже лучше для Лизы, пусть займется хоть чем-нибудь, хотя бы охотой за преступником. Она перехватила взгляд Миш и увидела, что в ее глазах мелькнул

торжествующий блеск. «Может, я была не права, столь враждебно восприняв Миш и пытаюсь огородить Лизу от всего, связанного с преступлением? Эта самая Миш просто симпатяга. И уж что-что, а свое дело она знает. И выбирает правильные слова. И для нее одинаково важны обе задачи – помочь Лизе и поймать насильника».

– Я тебе позвоню, – сказала Джинни.

Лиза обняла ее.

– Ты и без того столько времени со мной провозилась. Спасибо тебе!

Миш протянула руку и сказала:

– Рада была познакомиться.

Они обменялись рукопожатием.

– Удачи вам, – сказала Джинни. – Надеюсь, вы его все-таки поймаете.

– Я тоже на это надеюсь, – ответила Миш.

Стив припарковался на большой студенческой стоянке в юго-восточной части кампуса Джонс-Фоллз, общая площадь которого составляла не менее ста акров. Было без нескольких минут десять, и кампус так и кишел по-летнему одетыми студентами, спешившими на первую лекцию. Он шел и высматривал в толпе девушку с теннисного корта. Стив понимал, что шансов встретить ее мало, но разглядывал всех высоких темноволосых девушек в надежде заметить в ноздре тоненькое серебряное колечко.

Психологический факультет имени Рут У. Экорн располагался в современном четырехэтажном здании из красного кирпича. Стив назвал в вестибюле свое имя, и ему показали, где находится лаборатория.

На протяжении следующих трех часов он прошел через множество тестов – им занялись всерьез, он такого не ожидал. Его взвесили, измерили рост, сняли отпечатки пальцев. Научные и технические сотрудники, а также студенты фотографировали его уши, проверяли силу, изучали реакцию на проявление насилия, показывая снимки заживо сгоревших людей и расчлененных тел. Он отвечал на вопросы о своих увлечениях, о религиозных верованиях, о девушках и карьерных устремлениях. Его спрашивали, может ли он починить дверной звонок, считает ли себя опрятным и ухожен-

ным, будет ли подвергать своих детей физическим наказаниям. Ему включали разную музыку и спрашивали, какие картины встают при этом у него перед глазами. Но никто, ни один человек не объяснил ему, почему выбрали именно его.

Он был здесь не единственным испытуемым. Вместе с ним в лаборатории находились две маленькие девочки и средних лет мужчина в ковбойских сапогах, джинсах и клетчатой рубашке. В полдень всех их собрали в просторной комнате с диванами и телевизором и угостили пищей и кока-колой. Только здесь Стив увидел, что «ковбоев» двое. Это были близнецы, средних лет мужчины, необычайно похожие друг на друга и одетые совершенно одинаково.

Он представился и узнал, что мужчин зовут Бенни и Арнольд, а девочек – Сью и Элизабет.

– А вы всегда одинаково одеваетесь? – спросил Стив.

Близнецы переглянулись, затем Бенни ответил:

– Не знаю. Вообще-то мы только что познакомились.

– Как это? – удивился Стив. – Вы же близнецы, и только что познакомились?

– Мы попали к разным приемным родителям еще младенцами. В разные семьи.

– И совершенно случайно оделись одинаково?

– Выходит, что так. Смешно, правда?

– И еще мы оба плотники, – добавил Арнольд, – и оба курим «Кэмел лайтс». И у обоих по двое детей – мальчик и девочка.

– И обеих девочек мы называли Кэролайн, – подхватил Бенни. – А вот с мальчиками вышла промашка. У меня Джон, а у него Ричард.

Арнольд сказал:

– Вообще-то я хотел назвать своего Джоном, но жена настояла на Ричарде.

– Вот это да! – воскликнул Стив. – Просто не верится, что вкус к определенной марке сигарет может передаваться по наследству.

– Бог его знает, как это происходит.

Одна из маленьких девочек по имени Элизабет спросила Стива:

– А где ваш близнец?

– У меня его нет, – ответил Стив. – Так они изучают здесь именно близнецов?

– Да, – с гордостью ответила девочка и добавила: – Мы со Сью дизиготные близнецы.

Стив удивленно приподнял брови. Девчужке было не больше одиннадцати.

– А вот я не знаю этого слова, – признался он. – Что оно означает?

– Мы разнаяйцевые близнецы. И потому не очень похожи друг на друга. А вот они однайцевые. – Девочка указала на Бенни и Арнольда. – Они монозиготные. ДНК у них одинаковая. И потому они так похожи.

– А ты, наверное, немало знаешь об этом, – заметил Стив.

– Просто мы бывали здесь и раньше, – ответила девочка. Дверь за спиной Стива отворилась, Элизабет подняла глаза и сказала:

– Здравствуйте, доктор Феррами.

Стив обернулся и увидел свою теннисистку.

Стройное тело скрывал лабораторный халат, но движения ее были быстрыми и точными, как у настоящей спортсменки. И в каждом сквозила сосредоточенность, столь поразившая Стива на корте. Он уставился на нее, не веря своему счастью.

Джинни между тем поздоровалась с девочками и представилась остальным. Пожимая Стиву руку, она внимательно посмотрела на него.

– Так вы Стив Логан! – воскликнула она.

– Вы просто потрясающе играли в теннис, – сказал Стив.

– Но я проиграла. – Она села за стол. Густые темные волосы свободно спадали на плечи, и в безжалостно-ярком свете лабораторных ламп Стив заметил, как в этой роскошной гриве блеснули два-три седых волоска. На сей раз вместо серебряного колечка ноздрю украшала крохотная золотая сережка-гвоздик. Сегодня Джинни наредила ресницы, и от этого ее темные глаза казались еще выразительнее.

Она поблагодарила всех присутствующих за то, что они пожертвовали своим временем во имя научных исследований, а потом спросила, понравилась ли им пицца. Сказав еще несколько любезностей, она отослала девочек и «ковбоев» на тесты.

Потом придвинула свой стул поближе к Стиву. Тот немного занервничал, словно она собиралась сообщить ему какие-то плохие новости.

– Вам, наверное, любопытно, из-за чего весь этот сыр-бор, – начала она.

– Думаю, меня выбрали потому, что я хорошо учился в школе.

– Нет, – ответила она. – Хотя, если честно, по всем интеллектуальным тестам вы получили очень высокие оценки. И ваши успехи в школе лишь подтверждают это. Ваш «ай-кью» просто зашкаливает. Очевидно, учение всегда давалось вам легко?

– Да. Именно поэтому я здесь?

– Нет. Целью нашего проекта является выяснить, насколько человеческий ум и склад характера обуславливаются генетически, то есть наследственностью. Только ли ДНК решает, какими нам быть – умными, агрессивными, романтичными и спортивными? Или же воспитание тоже играет свою роль? И если влияют оба эти фактора, то как они взаимодействуют?

– Извечный спор, – заметил Стив. В колледже он посещал лекции по философии и принимал самое активное участие в дебатах на эту тему. – Таков ли я лишь потому, что таким уродился? Или же я продукт воспитания и общества, в котором рос и развивался? – И он вспомнил сакраментальную фразу, неизбежно завершавшую все эти споры: – Природа или воспитание?

Она кивнула, и ее длинные волосы тяжело колыхнулись, подобно океанской волне. Интересно, подумал Стив, каковы они на ощупь?

– Мы пытаемся разобраться в этой проблеме строго научным способом, – сказала Джинни. – Видите ли, у идентичных монозиготных близнецов гены совершенно одинаковые. Одни и те же. У разнояйцевых близнецов – нет, но, как правило, они воспитываются вместе, в одной среде. Мы изучаем оба эти типа и сравниваем с близнецами, которые росли и воспитывались раздельно. И выясняем, много ли между ними общего.

Стив размышлял над тем, какое отношение все это имеет к нему. Интересно, подумал он, сколько же лет Джинни? Вчера, когда она бегала по корту с подобранными под бейсболку волосами, ему показалось, что она его ровесница; теперь же стало очевидно, что ей уже под тридцать. Что вовсе не влияло на его чувства к ней, хотя прежде его никогда не привлекали зрелые женщины.

Она же тем временем продолжала:

– Если роль среды велика, близнецы, выросшие вместе, должны быть очень похожи. А те, что росли раздельно, должны разительно отличаться друг от друга вне зависимости от того, монозиготные они или нет. Но на деле получается совсем иная картина. Одняйцевые близнецы сохраняют сходство независимо от того, кто их воспитал. Мало того, у одняйцевых близнецов, выросших по отдельности, наблюда-

ется больше сходства, нежели у разнорядцевых, которые жили вместе.

– Как в случае с Бенни и Арнольдом?

– Именно. Ты сам видел, как они похожи, хоть и выросли в совершенно разных семьях. И это типично для всех таких близнецов. Мы в нашей лаборатории изучили около двухсот людей. Среди них были двое печатающихся поэтов, оба однояйцевые близнецы. Еще двое профессионально занимались домашними животными – один работал инструктором на собачьей площадке, второй выводил новые породы, – тоже монозиготные близнецы. И музыканты нам попадались – один преподавал игру на фортепьяно, второй был гитаристом и играл в джазе. Я перечислила наиболее яркие примеры. Как ты уже убедился этим утром, мы прежде всего изучаем различные параметры каждой личности: «ай-кью», физические данные и прочее. И часто вырисовывается одна и та же закономерность: монозиготные близнецы очень схожи вне зависимости от образа жизни и воспитания.

– В то время как Сью и Элизабет совсем разные.

– Правильно. И это несмотря на то что они живут в одном доме, ходят в одну и ту же школу, едят одну и ту же пищу и так далее. Могу предположить, что Сью молчала на протяжении всего ленча, а Элизабет болтала не закрывая рта.

– Так оно и было. К тому же она объяснила мне значение слова «монозиготный».

Доктор Феррами рассмеялась, обнажив прекрасные белые

зубы и кончик розового язычка, и Стив обрадовался, что ему удалось ее рассмешить.

– Но вы так до сих пор и не объяснили, при чем тут я, – сказал он.

Улыбка на ее лице угасла.

– Боюсь, это будет непросто, – сказала она. – С такими случаями мы до сих пор еще не сталкивались.

И тут вдруг он понял. Это же так очевидно, странно, что он не догадался раньше.

– Вы считаете, у меня есть близнец, о котором я ничего не знаю? – спросил он.

– Я просто не решалась сказать об этом вот так, без подготовки, – ответила Джинни. – Да, мы так думаем.

– Ого! – Голова у него пошла кругом. Трудно было привыкнуть к этой мысли.

– Мне очень жаль.

– Вам незачем извиняться. Ведь это не ваша вина.

– Здесь есть один момент. Обычно люди, прежде чем попасть к нам, знают, что они близнецы. Но я изобрела новый способ подбора испытуемых для наших исследований, и ты у нас такой первый. Вообще-то тот факт, что ты ничего не знал о существовании своего близнеца, служит доказательством правильности моей системы. Но пока что я не считаю возможным доводить до сведения всех подобных людей столь шокирующую новость.

– Я всегда мечтал о брате, – сказал Стив. В семье он был

единственным ребенком и появился на свет, когда обоим родителям уже перевалило за тридцать. – У меня брат?

– Да. И вы однайцевые близнецы.

– Родной брат, близнец, – пробормотал Стив. – Но как же получилось, что я ничего о нем не знал?

Джинни выглядела удрученной.

– Погодите минутку, дайте я сам попробую догадаться, – сказал Стив. – Меня могли усыновить.

Она кивнула.

Это была еще более шокирующая новость: оказывается, отец с матерью ему вовсе не родные.

– Или же моего брата-близнеца могли усыновить, верно?

– Да.

– Или нас обоих, как Бенни с Арнольдом.

– Или обоих, – мрачно повторила она, не сводя с него огромных бархатно-черных глаз.

И несмотря на сумбур, творившийся в его душе и мыслях, он не мог не отметить, как она красива. Стиву хотелось, чтобы она вот так смотрела на него целую вечность.

Джинни откашлялась и сказала:

– У меня уже имеется немалый опыт такой работы, и, как правило, если даже испытуемый не знает, что у него есть близнец, ему известно, что его усыновили. Или удочерили. Мне следовало догадаться, что в твоём случае это не так.

– Просто не верится, – с отчаянием воскликнул Стив, – что папа с мамой могли держать это от меня в тайне! Ведь

они оба такие честные, прямодушные люди. Это на них не похоже.

– Расскажи мне о своих родителях.

Стив понимал, что она хочет помочь ему преодолеть потрясение. Собрался с мыслями.

– Мама – вообще исключительная женщина. Вы наверняка слышали о ней. Ее имя Лорейн Логан.

– Известная журналистка, пишет для колонки «Одинокие сердца»?

– Да. Публикуется в сотнях газет, автор шести бестселлеров, посвященных здоровью женщин. Богата и знаменита, и, видит Бог, она это заслужила.

– Почему ты так считаешь?

– Маме не безразличны те, кто ей пишет. Она отвечает на тысячи писем. Практически все эти женщины ждут от нее одного: взмаха волшебной палочки. Сделай так, чтобы избавиться от нежелательной беременности, сделай так, чтоб дети перестали баловаться наркотиками, преврати грубых и жадных мужчин в любящих и заботливых мужей. И она всегда дает им ту информацию, которая им нужна, и говорит, что лучшее решение в любой ситуации – это прислушаться к собственному сердцу. Доверяй своим чувствам и не позволяй никому тебя обижать. На мой взгляд, прекрасный рецепт.

– Ну а отец?

– О, папа, как мне кажется, вполне обычный человек. Во-

енный, в чине полковника, работает в Пентагоне. Отвечает за связи с общественностью, пишет речи за разных там генералов – вот, собственно, и все.

– Сторонник жесткой дисциплины?

Стив улыбнулся.

– У него высоко развито чувство ответственности. Но жестоким или злым человеком его не назовешь. Еще до моего рождения он воевал в Азии, много чего там повидал, но это ничуть не отразилось на его характере.

– А как было с дисциплиной у тебя?

Стив расхохотался.

– Вы не поверите, но в школе я был страшным драчуном и забиякой. Вечно влипал в разные истории.

– Какие истории?

– Ну, связанные с нарушением дисциплины. Бегал по коридорам. Носил красные носки. Жевал на уроках жвачку. В возрасте тринадцати лет даже поцеловал Венди Праскер за полкой в школьной библиотеке.

– Почему?

– Уж очень хорошенькая она была.

Джинни рассмеялась.

– Да нет, я имела в виду, почему ты все время нарушал дисциплину?

Он покачал головой.

– Как-то не получалось быть послушным. Я делал то, что хотелось делать. Все эти правила казались такими глупыми,

и мне становилось скучно. Меня давно бы вышвырнули вон из школы, если б не отличные оценки. К тому же я был капитаном разных спортивных команд: футбольной, баскетбольной, бейсбольной. Иногда я сам не понимал, зачем это делаю. Скажите, я, наверное, просто испорченный, да?

– Каждый испорчен по-своему.

– Наверное. А зачем вы носите в ноздре сережку?

Джинни приподняла бровь, словно говоря: «Это я задаю здесь вопросы, а не ты», – но затем все же ответила:

– Лет в четырнадцать была панком – зеленые волосы, рваные чулки, все такое прочее. Ну и ноздрию тогда проколола.

– Если не вставлять колечко, она зарастет.

– Знаю. Наверное, ношу ее потому, что считаю абсолютную респектабельность скучной.

Стив улыбнулся. «О господи, до чего же мне нравится эта женщина, – подумал он, – пусть даже она и слишком для меня стара». Затем его мысли вновь переключились на только что услышанную важную новость.

– Почему вы так уверены, что у меня есть близнец?

– Я разработала компьютерную программу, с помощью которой можно проводить поиск медицинских записей и других данных по близнецам. У идентичных близнецов одинаковые мозговые волны, электрокардиограммы, отпечатки пальцев и зубы. Я изучила огромную базу данных со стоматологическими рентгеновскими снимками, предоставленными медицинской страховой компанией, и нашла там человека,

чье строение зубов в точности совпадает с твоим.

– Звучит не слишком убедительно.

– Может, и нет, но даже дырки у него там же, где у тебя.

– И кто он такой?

– Деннис Пинкер.

– Где он живет?

– Ричмонд, штат Виргиния.

– Вы с ним встречались?

– Как раз собиралась вылететь в Ричмонд завтра. Предстоит взять у него массу разных анализов, в том числе и крови, чтобы сравнить ваши ДНК. Тогда мы будем знать наверняка.

Стив нахмурился.

– Скажите, а есть какая-то более конкретная область в генетике, которая вас интересует?

– Да. Я стараюсь выяснить, в какой степени криминальные наклонности являются наследственными.

Стив кивнул:

– Ясно. И что же он натворил?

– Прости, не поняла?

– Что натворил этот Деннис Пинкер?

– Не понимаю, о чем ты.

– Ведь вы едете к нему сами, вместо того чтобы пригласить его сюда. Так что он, надо понимать, за решеткой.

Джинни слегка покраснела, словно ее уличили во лжи. И когда ее щеки порозовели, она стала выглядеть еще сексу-

альнее.

– Да, ты прав, – ответила она.

– Так за что он сидит?

Она колебалась еще секунду.

– За убийство.

– Господи! Мало того, что у меня брат-близнец, так он к тому же еще и убийца! Господи Иисусе!..

– Мне очень жаль, – тихо произнесла она. – Надо было как-то иначе подавать эти новости. Подготовить тебя.

– Это надо же! Приехал сюда, думал больше о себе узнать и вдруг узнаю такое!

Джинни наверняка не знает и не должна знать, что он в свое время едва не убил человека. Парнишку по имени Тип Хендрикс.

– Вот поэтому я очень на тебя надеюсь, – сказала Джинни.

– Это почему же?

– Вопрос стоит так: является ли склонность к преступлению наследственной? Я опубликовала работу, где доказывалось, что наследуются определенные черты характера: импульсивность, смелость, агрессивность и гиперактивность. Но станет ли такой человек преступником, зависит от того, как его воспитали родители. В доказательство моей теории я должна найти пары идентичных близнецов, один из которых стал преступником, а другой является законопослушным гражданином. Вы с Деннисом моя первая пара. И ты являешь собой само совершенство, а он сидит в тюрьме. Ты

уж извини, но ты просто идеальный американский парень. Честно сказать, я так разволновалась, что едва могу усидеть на месте.

Мысль о том, что женщина может так из-за него разволноваться, заставила Стива занервничать. И он отвернулся, опасаясь, что она увидит его лицо и все поймет. И еще его страшно расстроило известие о том, что у него одинаковые с преступником гены. Куда это может его завести?

За спиной у Стива отворилась дверь, Джинни подняла глаза.

– Привет, Берри, – сказала она. – Вот, Стив, познакомься, это профессор Беррингтон Джонс, руководитель наших исследований.

Профессор оказался мужчиной невысокого роста лет шестидесяти, с довольно красивым лицом и гладко прилизанными серебристыми волосами. На нем был дорогой костюм из серого ирландского твида с искрой, красный галстук-бабочка в белый горошек, и весь он был такой аккуратный, начищенный, прямо с иголочки. Стив вспомнил, что несколько раз видел его по телевизору, где он вещал о том, что скоро вся Америка провалится в адскую преисподнюю. Стив вовсе не разделял эти его взгляды, но его учили быть вежливым. А потому он поднялся и протянул руку для рукопожатия.

Беррингтон Джонс смотрел на него так, словно увидел привидение.

– Господи Боже мой! – пробормотал он, и лицо у него по-

бледнело.

– Что такое, Берри? Что случилось? – воскликнула Джинни.

Стив сказал:

– Простите, сэр, я сделал что-то не так?

Профессор помолчал, затем взял себя в руки.

– Прошу прощения. Нет, ничего все в порядке, – сказал он, но видно было, как он потрясен. – Просто я вдруг подумал... вернее, вспомнил одну вещь... о которой давно забыл. То была страшная ошибка. Пожалуйста, прошу меня извинить... – И он направился к двери, бормоча извинения.

Стив взглянул на доктора Феррами.

Она пожала плечами, потом беспомощно развела руками.

– Иногда он меня просто убивает! – сказала она.

Беррингтон сидел за письменным столом, прерывисто дыша.

Офис у него был угловой, просторный, но обстановка спартанская: полы, покрытые пластиковой плиткой, белые стены, дешевые книжные полки, стандартные ящики с картотекой. Впрочем, ученым и не полагалось иметь роскошные кабинеты. На экране компьютера была заставка – медленно вращающаяся спираль ДНК. На столе стояла фотография самого хозяина компании Джеральдо Ривьеры, Ньюта Джингрича и Раша Лимбоу¹. Окно выходило на здание спортивного зала, в настоящее время закрытого – из-за вчерашнего пожара. Через дорогу виднелся теннисный корт, на нем, несмотря на жару, играли два юноши.

Беррингтон потер глаза.

– Черт, черт, черт! – с чувством воскликнул он.

Он сам уговорил Джинни Феррами приехать сюда. Ее работа по криминальному типу личности создавала основу для новых революционных исследований в генетике. Эта проблема была краеугольным камнем проекта компании «Дженетико». И ему хотелось, чтобы она продолжила свои иссле-

---

¹ Джеральдо Ривьера – американский телеведущий; Нют Джингрич – бывший спикер палаты представителей конгресса США; Раш Лимбоу – американский радиоведущий. – *Примеч. ред.*

дования под его крылом. Он заставил руководителей Джонс-Фоллз взять девушку на работу с условием, что ее исследования будут финансироваться «Дженетико».

С его помощью она достигнет небывалых высот, и тот факт, что она происходила из бедной семьи, лишь подкреплял эту уверенность. Первый месяц работы Джинни в Джонс-Фоллз подтвердил, что он в ней не ошибся. Она энергично взялась за дело, и работа над проектом шла полным ходом. Она нравилась большинству сотрудников, хотя порой и была резковата. На второй же день лаборанту, парню с конским хвостом, считавшему, что можно относиться к своим обязанностям кое-как, так от нее досталось, что он до сих пор не мог опомниться.

Беррингтон и сам был покорен этой девушкой. Потрясающе красива, да к тому же еще и умница. И он разрывался между отеческими чувствами, стремлением направлять и поддерживать ее и сильнейшим желанием ее соблазнить.

И вот теперь это!..

Немного придя в себя, он снял телефонную трубку и позвонил Престону Барку. Престон был его старым приятелем, познакомились они еще в 60-х годах в Массачусетском технологическом университете, где Беррингтон работал над диссертацией по психологии, а Престон оканчивал факультет эмбриологии и был самым способным студентом. Ровесники считали их немного странными: в период, когда торжествовали образ жизни и стиль хиппи, эти двое носили тви-

довые костюмы и короткие аккуратные стрижки. Вскоре выяснилось, что у приятелей много общего: оба относились к современному джазу как к настоящему кошмару, к сигарете с марихуаной – как к первому шагу на пути к героину, а единственным честным политиком в Америке для них был Барри Голдуотер². Их дружба оказалась более крепкой, чем их браки. Беррингтон ни разу не имел повода усомниться в верности и преданности своего друга. Тот постоянно был рядом, как Канада.

Как раз сейчас Престон должен быть в штаб-квартире «Дженетико», которая находилась в графстве Балтимор, к северу от города, и представляла собой несколько приземистых аккуратных зданий с видом на поле для гольфа. Секретарша Престона сказала, что ее босс на совещании, но Беррингтон настоял, чтобы его немедленно с ним соединили.

– Доброе утро, Берри! Что случилось?

– Кто там с тобой?

– Только Ли Хо, один из старших аудиторов «Ландсманна». Как раз уточняли последние детали счетов «Дженетико».

– Гони его в шею!

Теперь голос Престона доносился издалека:

– Извините, Ли, но я вынужден переговорить тут с одним

---

² Голдуотер, Барри Моррис – американский политический деятель 60–70-х гг., крайний консерватор, сторонник применения силы во внешней политике. – *Примеч. пер.*

человеком. Приглашу вас через несколько минут. – Пауза, он снова заговорил в трубку: – Знаешь, кто он? Правая рука Майкла Мейдигана. А Мейдиган – на тот случай, если ты забыл, – управляющий «Ландсманна». И если ты по-прежнему столь же трепетно относишься к нашей вчерашней затее, то лучше нам не...

Тут Беррингтон не выдержал и перебил его:

– Стивен Логан здесь.

В трубке повисло молчание. Затем Престон очнулся:

– В Джонс-Фоллз?

– Да, именно. Прямо здесь, на факультете психологии.

Престон тут же позабыл о Ли Хо.

– Господи Иисусе, как он там оказался?

– Он испытуемый. Вызван для прохождения тестов в лаборатории.

– Как, черт возьми, это могло произойти?!

– Не знаю. Просто столкнулся с ним лицом к лицу пять минут назад. Можешь вообразить мое удивление.

– Так ты его узнал?

– Ну конечно, узнал.

– И зачем он им понадобился?

– Задействован в обследовании пар близнецов.

– Близнецов? – взвыл Престон. – Ты сказал, близнецов?

Но кто же тогда второй?

– Еще не знаю. Послушай, что-то в этом роде должно было произойти рано или поздно.

– Надо же, чтобы именно сейчас! Следует немедленно приостановить все эти дела с «Ландсманном».

– Ни в коем случае! Не позволю тебе использовать это как предлог для отмены или приостановления сделки. Ты слышишь, Престон? – Теперь Беррингтон уже жалел, что позволил старому другу. Просто хотелось поделиться своими чувствами с близким человеком. К тому же Престон был наделен незаурядным стратегическим мышлением. – Надо придумать, как удержать ситуацию под контролем.

– Кто пригласил Стива Логана в университет?

– Новый ассистент профессора, которого мы недавно наняли. Доктор Феррами.

– Тот, что написал эту убойную статейку по криминалистике?

– Да, за тем только исключением, что это женщина. Причем весьма привлекательная женщина...

– Да плевал я, будь она хоть сама Шарон Стоун!

– Короче, именно она привлекла Стивена для участия в проекте. И сидела с ним, когда я его увидел. Я проверю.

– Это главное, Берри. – Похоже, Престон немного успокоился и сфокусировался на выходе из создавшегося положения. – Выясни, почему и как привлекли именно его. А уж потом мы оценим, насколько велика опасность.

– Вызову ее прямо сейчас.

– Действуй. И сразу же перезвони мне, о'кей?

– Конечно. – Беррингтон повесил трубку.

Тем не менее он не стал сразу вызывать Джинни. Решил сначала побороться с мыслями.

На столе стояла старая черно-белая фотография его отца – молодого лейтенанта ВМС в нарядной белой морской форме. Беррингтону было всего шесть лет, когда затонул «Васп». И как каждый мальчишка в Америке, он ненавидел японцев и играл в игры, где «убивал» их дюжинами. Отец всегда оставался для него непобедимым героем, высоким, красивым, храбрым и сильным. При одной мысли о том, что его замечательного отца убили япошки, на него накатывала ярость. И он молился Богу и просил о том, чтобы война длилась как можно дольше, чтобы он успел вырасти, пойти служить на флот и отомстить за отца, перебив целый миллион японцев.

Он так никогда никого и не убил. Но никогда не нанимал японских служащих, не принимал в университет студентов-японцев, не позволял японским ученым работать в своей лаборатории.

Многие мужчины, когда перед ними встает какая-либо проблема, задают себе вопрос: как бы на моем месте поступил отец? У него такой возможности не было. Он был слишком мал и не успел узнать своего отца. А потому понятия не имел, как бы поступил лейтенант ВМС Джонс в кризисной ситуации. По-настоящему у него никогда не было отца – был лишь супергерой, некий далекий и непонятный идеал.

Он спросит Джинни Феррами о методах подбора испытуемых. А потом пригласит ее вместе пообедать.

Беррингтон набрал внутренний номер лаборатории Джинни. Она тут же сняла трубку. Он немного понизил голос и заговорил с ней голосом, который его бывшая жена Вивви называла «бархатным».

– Джинни? Это Берри, – начал он.

Она тут же перебила его со своей обычной резкостью:

– Что, черт побери, происходит?

– Могу я потолковать с тобой минуту-другую?

– Конечно.

– Тогда зайди ко мне в офис.

– Иду! – И она повесила трубку.

В ожидании Джинни он вспоминал женщин, с которыми переспал. Нет, сколько их было, разумеется, теперь не припомнишь, но что больше десятка – это точно. Может, даже больше сотни?.. Это означает, что с того момента, как ему стукнуло девятнадцать, на каждый год приходилось в среднем по две с половиной партнерши, но на деле их, конечно, было гораздо больше. Тысяча? Стало быть, двадцать пять в год, новая женщина каждые две недели – и так на протяжении сорока лет?.. Нет, такие подвиги ему не под силу. На протяжении десяти лет он был женат на Вивви Эллингтон и за это время позволил себе не более пятнадцати – двадцати связей. Правда, после развода постарался наверстать упущенное. Так что получается где-то между сотней и тысячей. Однако у него и в мыслях не было тащить Джинни в постель. Задача стояла другая: выяснить, как и где, черт побери, она

нашла Стива Логана.

Джинни постучала в дверь и вошла. Поверх блузки с юбкой на ней был белый лабораторный халат. Беррингтону нравилось, когда молоденькие женщины носили такие халаты как платья – прямо поверх нижнего белья. Он находил это очень сексуальным.

– Спасибо, что пришла, – сказал он, предложил ей стул, затем придвинул поближе свой, чтобы ничто не разделяло их, даже стол.

Прежде всего необходимо предоставить Джинни сколько-нибудь правдоподобное объяснение того, почему он так разволновался при виде Стива Логана. Обмануть такую женщину, как Джинни, нелегко. Надо было хорошенько это обдумать, а не заниматься подсчетом своих любовных побед.

Он сел и одарил ее обезоруживающей улыбкой.

– Хочу извиниться за свое неадекватное поведение, – начал он. – Я загружал в компьютер файлы, передаваемые из университета в Сиднее. – Он махнул рукой в сторону компьютера. – И как раз когда вы собрались представить меня этому молодому человеку, вдруг вспомнил, что оставил компьютер включенным, а телефонную линию – занятой. Почувствовал себя полным идиотом и страшно рассердился.

Объяснение было слабеньким, но ее оно, похоже, удовлетворило.

– Я рада, – тихо сказала она. – А то мне показалось, что я вас чем-то обидела.

Что ж, тем лучше.

– Как раз собирался потолковать о твоей работе, – невозможно продолжил он. – Ты прекрасно начала, в этом нет сомнений. Ты здесь всего четыре недели, а работа над проектом уже идет полным ходом. Поздравляю.

Джинни кивнула.

– Перед тем как начать, я все лето совещалась с Эрбом и Фрэнком, – сказала она. – Эрб Диксон возглавлял факультет, Фрэнк Демиденко был профессором. Мы заранее обговорили все детали.

– Расскажи мне об этом поподробнее. Возможно, у вас возникли какие-то проблемы? Я могу чем-нибудь помочь?

– Главная проблема – это подбор испытуемых, – ответила Джинни. – Все они добровольцы, и большая их часть принадлежит, подобно Стиву Логану, к среднему классу. Это американцы, убежденные в том, что настоящий гражданин должен всячески поддерживать проведение научных исследований. Бездельники и наркоманы, как правило, обходят нас стороной.

– О чем не преминут упомянуть наши критики из либералов.

– С другой стороны, просто невозможно изучать агрессивный, криминальный тип личности, опираясь лишь на добропорядочных американских граждан среднего класса. Но мне удалось найти решение этой проблемы.

– И в чем же оно заключается?

– Мне пришло в голову, что медицинская информация о миллионах наших сограждан находится сегодня в огромных базах данных, которые собирают страховые компании и различные правительственные агентства. У них собраны и те данные, которыми мы пользуемся при определении типа близнецов: энцефалограммы мозговых ритмов, электрокардиограммы и прочее. Если, например, искать пары со схожими электрокардиограммами, то среди них вполне можно обнаружить близнецов. А если база данных действительно обширна и полна, она позволяет выявить пары тех близнецов, которые росли и воспитывались раздельно. Это сработало. Кое-кто из них даже понятия не имел, что у него есть близнец.

– Замечательно! – воскликнул Беррингтон. – Просто и оригинально. Все гениальное просто. – Он ничуть не кривил душой. Идентичные близнецы, выросшие раздельно, были крайне важны для генетических исследований, и раньше ученые с трудом находили таких испытуемых. До настоящего момента выйти на них можно было лишь одним способом – через публикации. Они читали журнальные статьи об исследовании близнецов и договаривались с теми о сотрудничестве. И, как совершенно верно отметила Джинни, добровольцы принадлежали преимущественно к среднему классу, что не слишком способствовало полноте исследований криминальных наклонностей.

Но лично для него это открытие было катастрофой. И он

старался скрыть свой страх и растерянность. Нет, это больше, чем катастрофа. Буквально вчера вечером Престон Барк сказал: «У каждой компании свои секреты». А Джим Пруст был настроен более оптимистично и заметил, что их тайн никто никогда не узнает. Они не учли, на что способна эта Джинни Феррами.

Беррингтон ухватился за соломинку.

– Но находить подобные материалы в базе данных не так-то просто.

– Верно. Графические изображения занимают слишком много мегабайт. Проведение поиска по таким записям куда сложнее, чем проверка правописания в докторских диссертациях.

– Полагаю, что тут все дело в устройстве поисковой программы. Так как же ты поступила?

– Создала свою собственную.

Беррингтон изумился:

– Ты?!

– Да. Я еще в Принстоне окончила курс компьютерного программирования. А в Миннесоте под руководством своего профессора разрабатывала нейтральную сетевую программу распознавания моделей.

Неужели женщина способна на такое?

– Ну и как же она работает?

– Использует особую логику для ускорения формирования пар. Ведь пары, которые мы ищем, во многом схожи, но

не абсолютно идентичны. К примеру, рентгеновская съемка идентичных зубов не всегда дает одинаковые результаты, в зависимости от техники и методов, которые при этом используются. Но человеческий глаз воспринимает их как совершенно одинаковые, и если эти снимки подвергнуть сканированию и поместить в электронную базу данных, компьютер, использующий мою программу, сможет подбирать пары.

– Полагаю, для этого понадобится компьютер размером с Эмпайр-Стейт-билдинг.

– А потом я поняла, что единственный способ ускорить процесс подбора парных моделей – это просматривать лишь небольшие фрагменты изображений. Ну сами подумайте, для того, чтобы узнать своего друга, вам вовсе не обязательно видеть все его тело, достаточно лица. Любители автомобилей могут определить марку любой машины по снимку одной фары. Моя сестра может назвать любой хит Мадонны, послушав мелодию лишь несколько секунд.

– Но это чревато ошибками.

Она пожала плечами:

– Да, не подвергая сканированию все изображение целиком, вы рискуете проглядеть ряд сходств. Но я все рассчитала. Этот метод позволяет радикально сократить процесс поиска и свести возможность ошибок к минимуму, до уровня статистической погрешности.

Все психологи, разумеется, изучают статистику.

– Но как одна и та же программа может сканировать рентгеновские снимки, электрокардиограммы и отпечатки пальцев?

– Она узнаёт и различает только электронные модели. Ей ведь все равно, что они собой представляют.

– Так эта программа уже работает?

– Полагаю, что да. Мне пришлось получить специальное разрешение у крупной страховой медицинской компании, чтобы испытать ее на базе данных стоматологических снимков. И мы получили несколько сотен пар. Но разумеется, меня интересовали лишь близнецы, выросшие отдельно.

– И как же вы их выбирали?

– Я исключила все пары с одинаковыми фамилиями, а также всех замужних женщин, поскольку в большинстве своем они берут фамилии мужей. И остались лишь близнецы, не имевшие каких-либо очевидных причин носить разные фамилии.

Гениально, подумал Беррингтон. Он испытывал одновременно восхищение перед Джинни и страх, что она может все узнать.

– И сколько же у вас осталось?

– Три пары, чем, надо сказать, я была изрядно разочарована. Я надеялась получить больше. В первом случае один из близнецов изменил фамилию по чисто религиозным соображениям: он принял мусульманство и выбрал себе арабское имя. Вторая пара бесследно исчезла. К счастью, третья

пара оказалась на месте и удовлетворяла всем требованиям: Стивен Логан – законопослушный гражданин, Деннис Пинкер – убийца.

Беррингтон это знал. Однажды поздним вечером Деннис Пинкер перерезал электропроводку в кинотеатре во время сеанса (в тот день шел фильм под названием «Пятница, 13-е»). Началась паника, и он, воспользовавшись этим, начал приставать к женщинам. Одна из них оказала сопротивление, и он ее убил.

Итак, Джинни нашла Денниса. Господи, подумал он, да ведь она опасна. Она может все погубить – деловую репутацию, политическую карьеру Джима, «Дженетико», его собственную репутацию. Он ощутил страх и одновременно гнев. Как же это получается, что его собственная протезе угрожает всему, что он создал за долгие годы?.. Нет, он не может этого допустить.

Хорошо, что она попала именно сюда, в Джонс-Фоллз, и он получил возможность одним из первых узнать о ее замыслах. Но выхода он пока не видел. Вот если бы все ее файлы сгорели при пожаре или сама она погибла в автокатастрофе... Впрочем, это всего лишь дурацкие фантазии.

Может, попробовать подорвать ее веру в программу?..

– А Стив Логан знал, что его усыновили? – спросил он, с трудом скрывая гнев и раздражение.

– Нет. – На лбу Джинни прорезалась морщинка озабоченности. – Мы знаем, родители часто лгут детям, не говорят

им, что они не родные, но Стив убежден, что мать обязательно сказала бы ему правду. Впрочем, может быть и другое объяснение. Положим, они по какой-то причине не смогли оформить усыновление по обычным каналам и просто купили себе ребенка. И именно потому и лгали.

– Или же просто твоя система подвела, – заметил Беррингтон. – Ведь тот факт, что у двоих мальчишек одинаковые зубы, еще не доказывает, что они близнецы.

– Нет, не думаю, что тут виновата система, – быстро ответила Джинни. – Меня беспокоит другое – то, что предстоит сказать десяткам людей, что они были усыновлены или удочерены. Не уверена, что имею право таким образом вмешиваться в их жизнь.

Беррингтон взглянул на часы.

– Мне пора. Но страшно хотелось бы продолжить эту нашу дискуссию. Может, пообедаем вечером вместе?

– Сегодня?

– Да.

Он видел, что она колеблется. Им уже доводилось однажды обедать во время Международного конгресса по изучению близнецов – собственно, именно там они и познакомились. Еще они выпивали вместе в баре клуба университета Джонс-Фоллз, когда она уже работала здесь, да как-то раз в субботу случайно столкнулись на торговой улице в Чарлз-Виллидж, и Беррингтон пригласил Джинни в Балтиморский музей изобразительных искусств. Нет, она не влюблена

в него, это ясно. Однако все эти три раза ей было весело и интересно в его компании. Кроме того, он ее руководитель, так что отказаться ей трудно.

– Почему бы нет? – ответила она.

– Тогда приглашаю тебя в «Хэмптонс» в отеле «Харбор-Корт». Лично я считаю его лучшим рестораном в Балтиморе.

Это действительно был роскошный ресторан.

– Чудесно, – сказала она и встала.

– Тогда я заеду за тобой в восемь?

– О'кей.

Она пошла к двери, а Беррингтон мысленно раздел ее и увидел ее обнаженную спину, гладкую и мускулистую, маленький упругий зад и длинные-длинные ноги. Он задохнулся от желания, в горле у него пересохло. И тут дверь за ней затворилась.

Беррингтон потряс головой, желая избавиться от похотливых фантазий, затем перезвонил Престону.

– Все гораздо хуже, чем мы предполагали, – сразу заявил он. – Она создала специальную компьютерную программу, которая занимается изучением медицинских баз данных и находит идентичные пары, и с первой же попытки отыскала Стивена и Денниса.

– Черт!..

– Надо предупредить Джима.

– Надо собраться всем вместе и решить, что, черт побери,

нам теперь делать. Может, сегодня вечером?

– Сегодня я обедаю с Джинни.

– Считаешь, это поможет снять проблему?

– Ну, в любом случае не повредит.

– И все же мне кажется, что сделку с «Ландсманном» мы должны временно отложить.

– Не согласен, – сказал Беррингтон. – Она, конечно, очень умна, но раскрыть все до конца за неделю какой-то девчонке просто не под силу.

Однако, вешая трубку, он уже не был так твердо в этом уверен.

Студентов в аудитории факультета биологии человека собралось немного, и все они вели себя беспокойно. Джинни понимала, по какой причине. Она и сама немного нервничала. Ведь совсем недавно в университете произошел пожар, а затем – изнасилование. Уютный и тихий академический мирок был выведен из равновесия. Все беспрестанно возвращались мыслями к тому, что произошло.

– Поддающиеся анализу и наблюдению вариации в мышлении человеческих существ можно объяснить тремя факторами, – начала Джинни. – Первый: различными генами. Второй: различной средой обитания. Третий: ошибками в оценках и измерениях. – Она сделала паузу. Студенты прилежно строчили в блокнотах и тетрадах.

Ей и прежде доводилось наблюдать это явление. Стоило включить в лекцию какой-либо нумерованный список, как все тут же бросались записывать. Если б она просто сказала: «Различные гены, различные среды обитания и возможность ошибки в эксперименте», большинство даже не прикоснулось бы к блокнотам и ручкам. А потому, впервые сделав это открытие, она старалась использовать в лекциях как можно больше нумерованных перечней и списков.

Джинни была хорошим преподавателем – к своему собственному удивлению. Прежде она не замечала в себе соот-

ветствующих качеств. Нетерпеливая, иногда даже вспылывающая и резкая, она тем не менее умела объяснять коротко, ясно и четко. И не было для нее большего счастья, чем видеть, как лица студентов озаряются радостью понимания.

– Все это можно выразить следующим равенством, – сказала она, повернувшись и застучала по доске мелом:

$$V_t = V_g + V_e + V_m,$$

где V_t – общее число вариаций, V_g – генетическая составляющая, V_e – составляющая среды и V_m – ошибка в измерениях.

Студенты тут же записали равенство.

– То же самое уравнение можно применить к любому измеряемому различию между людьми, начиная с их роста и веса и заканчивая верой в Бога. Кто может найти недостаток в этом равенстве? – Студенты молчали, и тогда она предложила подсказку: – Сумма может быть больше, чем отдельные составляющие. Почему?

Заговорил один из молодых людей. Вот так всегда: самыми инициативными были юноши, девушки почему-то робели, и это ее раздражало.

– Потому что гены и среда взаимодействуют, умножая тем самым результат...

– Совершенно верно. Гены подталкивают вас к одной среде и отталкивают от другой. Дети с разным темпераментом

вызывают разное отношение со стороны родителей. У активных малышей один опыт, а у вялых и медлительных – совсем другой, даже если они растут в одном доме. Отчаянные подростки чаще злоупотребляют наркотиками, нежели мальчики из церковного хора, хотя живут в том же городе. А потому мы должны добавить к правой части этого равенства переменную Sge, означающую совариации, или взаимодействие, среды и генов. – Она снова застучала мелом по доске, затем украдкой взглянула на швейцарские армейские часы на запястье. Было пять минут пятого. – Вопросы есть?

На сей раз заговорила студентка. Донна-Мария Диксон, медсестра, поступившая в колледж, когда ей было уже за тридцать, была способной, но очень стеснительной. Она спросила:

– А как же тогда Осмонды?

В аудитории послышались смешки, женщина покраснела. Джинни вежливо заметила:

– Объясните, кого вы имеете в виду, Донна-Мария. Большинство наших учащихся слишком молоды и могут не знать, кто такие Осмонды.

– Была такая поп-группа в семидесятых. Сестры и братья. Вся семья Осмондов была страшно музыкальной. Но гены при этом у них были разные, они не были близнецами. Очевидно, на выбор профессии повлияла семейная среда. То же наблюдалось и у пятерки Джексонов. – Кое-кто из студентов снова засмеялся, женщина робко улыбнулась и заметила: –

Вот видите, выдала свой возраст.

– Мисс Диксон затронула очень важный момент. Странно, что никто из вас об этом не подумал, – сказала Джинни. Она, конечно, ничуть не удивилась, просто хотела подбодрить Донну-Марию. – Харизматические и целеустремленные родители могут заставить своих детей соответствовать какому-то идеалу вне зависимости от генетической наследственности. В то время как родители, грубо обращающиеся со своими детьми, могут превратить их в шизофреников. Но это скорее исключительные случаи. Ребенок, недоедавший в детстве, будет отставать в развитии, даже если его родители высокие и упитанные люди. Перекормленный ребенок будет страдать от избыточного веса, даже если его предки были худыми или стройными. Тем не менее с каждым новым исследованием становится все более очевидно, что природу ребенка, его характер и способности определяет прежде всего генетическая наследственность, а уже во вторую очередь – среда и воспитание. – Она сделала паузу и добавила: – Если вопросов больше нет, прошу вас к следующему понедельнику прочесть работу Бушар, опубликованную в журнале «Наука» за 12 октября 1990 года. – Джинни начала собирать бумаги со стола.

Студенты тоже начали собирать свои книжки. Джинни задержалась еще на минуту-другую, чтобы дать возможность самым робким и нерешительным студентам подойти и задать какой-нибудь вопрос ей лично. Ведь известно, что из интро-

вертов часто вырастают великие ученые.

Подошла Донна-Мария. У нее было милое круглое лицо и светлые вьющиеся волосы. Должно быть, она очень хорошая медсестра, подумала Джинни, спокойная, собранная.

– Мне страшно жаль Лизу. Бедняжка! – сказала Донна-Мария. – Просто ужас! Как только такое могло случиться?!

– А полиция все лишь усугубила, – заметила Джинни. – Коп, который отвез ее в больницу, оказался полным идиотом и хамом.

– О, это ужасно. И все-таки, может, они поймают парня, который это сделал? По всему кампусу уже из рук в руки передают его снимки.

– Вот и прекрасно! – Снимки, о которых говорила Донна-Мария, очевидно, стали плодом совместных усилий Лизы и компьютерной программы Миш Делавер. – Когда я уходила утром из ее квартиры, она как раз была занята составлением фоторобота. Вместе с полицейским.

– Как она себя чувствует?

– Еще немного заторможена... и вместе с тем на взводе.

Донна-Мария кивнула:

– Они все проходят через несколько стадий. Первая – полное отрицание всего и вся. Говорят, что хотят поскорее забыть обо всем и продолжать нормальную жизнь. Но это не так-то просто.

– Неплохо бы ей поговорить с вами. Вы можете ей помочь.

– В любое время, – охотно согласилась Донна-Мария.

Джинни прошла через кампус к Дурдому. Жара не спадала. Внезапно она поймала себя на том, что все время нервно озирается, точно ковбой в каком-нибудь вестерне, ожидающий нападения из-за угла. До сегодняшнего дня кампус в Джонс-Фоллз казался ей эдаким островком старомодного спокойствия и умиротворенности, оазисом в пустыне современного американского города. Если точнее, университет Джонс-Фоллз и сам походил на небольшой городок, со своими банками, магазинами, спортивными сооружениями, стоянками для автомобилей, барами, ресторанами, офисами и жилыми корпусами. Население его составляло около пяти тысяч человек, половина из которых жили в кампусе. И вот теперь здесь стало опасно. «Негодяй, он просто не имел права делать это, – с горечью думала Джинни, – ведь именно из-за него мне теперь страшно здесь находиться. Возможно, любое преступление оказывает на людей такой же эффект: почва, казавшаяся прежде твердой, уходит из-под ног».

Она вошла к себе в кабинет и тут же вспомнила Беррингтона Джонса. Интересный мужчина и всегда так внимателен к женщинам. Проводя время в компании с ним, она всякий раз получала удовольствие. К тому же она была перед ним в долгу – ведь именно Беррингтон пригласил ее сюда на работу.

С другой стороны, есть в нем что-то скользкое. Она всегда подозревала, что он умеет манипулировать людьми, в осо-

бенности женщинами. При виде Беррингтона она всякий раз вспоминала одну шутку. Мужчина говорит женщине: «Расскажите мне о себе все без утайки. Например, нравлюсь ли я вам?»

Порой ей казалось, что он вообще мало походил на ученого. Но Джинни и прежде замечала, что настоящие гении академического мира мало соответствуют сложившемуся в обществе представлению об ученых мужах как об эдаких рассеянных и немного беспомощных людях. Беррингтон всегда выглядел и действовал как человек сильный и властный. За последние несколько лет он не сделал ни одного сколько-нибудь выдающегося научного открытия, но это было нормально: все самые блистательные и оригинальные открытия, как правило, делают люди в возрасте до тридцати пяти лет. По мере старения ученые используют весь свой опыт и интуицию, чтобы помочь развитию науки, направить молодые талантливые умы. И у Беррингтона это прекрасно получалось: он руководил сразу тремя кафедрами, умело распределяя между ними деньги, полученные от компании «Дженетико». Правда, он не пользовался у студентов безоговорочным уважением, на которое мог бы рассчитывать. Наверное, это происходило потому, что другие ученые не одобряли его увлечения политикой. Джинни и сама считала, что ученый он прекрасный, а вот политик – сомнительный.

Вначале она охотно поверила в историю Беррингтона о том, что он якобы получал какие-то файлы из Австралии, но

затем стала сомневаться. Берри смотрел на Стивена Логана так, словно увидел привидение, и какой-то телефонный счет тут ни при чем.

Почти в каждой семье существует своя тайна. У замужней женщины может быть любовник, и только она знает, кто настоящий отец ее ребенка. Молоденькая девушка может родить и отдать свое дитя матери. А после этого вся семья будет соблюдать конспирацию и делать вид, что это ее младшая сестренка. Детей усыновляют и удочеряют соседи, родственники и друзья, и приемные родители скрывают от них правду. Может, Лорейн Логан действительно всегда была откровенна с приемным сыном, но у нее есть какие-то свои причины скрывать от Стива тайну его происхождения. Но при чем тут Беррингтон? Может, он настоящий отец Стива?.. При мысли об этом Джинни улыбнулась. Берри – красавчик, но дюймов на шесть, если не больше, ниже Стива. Хотя... как знать, все возможно, но это объяснение казалось маловероятным.

Почему-то ее беспокоила эта тайна. Во всех других отношениях Стивен Логан был ее настоящим триумфом. Законопослушный гражданин, имеющий брата-близнеца – закоренелого преступника, Стив как бы подтверждал действенность разработанной ею программы и правильность теории криминальной личности. Нет, разумеется, чтобы окончательно доказать правильность этой теории, ей понадобится не менее сотни таких же близнецов, как Стивен и Деннис.

Но лучшего начала просто не придумать.

Завтра она увидит Денниса. И если тот окажется каким-нибудь черноволосым карликом, она сразу поймет, что ее система несовершенна. Но если она права, Деннис будет точной копией Стивена Логана.

Ее потряс тот факт, что Стив Логан не знал о своем усыновлении. Следует разработать отдельную процедуру для подобных случаев. В будущем ей следует начинать с контакта с родителями, проверяя прежде всего, что они сказали своим детям, а уж потом иметь дело с близнецами. Это, конечно, замедлит работу, но иначе никак нельзя. Она не собирается срывать маски и разглашать семейные тайны.

Проблему можно решить. И в то же время ее не оставляло тревожное чувство, ощущение какого-то неприятного осадка после расспросов Беррингтона и искреннего изумления Стива Логана. И она принялась обдумывать следующий этап проекта. Надо использовать компьютерную программу для сканирования картотеки отпечатков пальцев ФБР.

Идеальный источник информации. Многие из двадцати двух миллионов человек, чьи отпечатки пальцев находились в этих файлах, совершили преступления или были подозреваемыми. И если ее программа работает, то она получит несколько сотен пар близнецов, в том числе и тех, кто рос и воспитывался раздельно. Это продвинет ее исследования далеко вперед. Но прежде ей придется получить разрешение ФБР.

Ее лучшей подругой в школе была Гита Сумра, девушка индийского происхождения, гениальный математик, возглавлявшая сейчас отдел сбора и обработки информации в ФБР. Работала она в Вашингтоне, а жила здесь, в Балтиморе. Гита уже согласилась попросить своих сотрудников помочь Джинни. И обещала принять окончательное решение к концу недели, но теперь Джинни придется поторопить подругу. И она набрала ее номер.

Гита родилась в Вашингтоне, но ее речь сохранила типичный для индусов акцент – мягкие согласные, округленные гласные.

– Привет, Джинни, как провела уик-энд? – спросила она.

– Ужасно, – ответила Джинни. – Маме стало плохо, пришлось положить ее в больницу.

– Сочувствую. А что с ней случилось?

– Забыла, что на дворе ночь, поднялась с постели и, не одевшись, вышла, чтобы купить пакет молока. А потом забыла, где живет, и заблудилась.

– И что дальше?

– Ее нашел полицейский. К счастью, в кошельке у нее лежал присланный мной чек, по нему они меня и вычислили.

– Ну и как ты себя чувствуешь?

Типично женский вопрос. Мужчины – Джек Баджен, Беррингтон Джонс – спрашивали, что она собирается теперь делать. Только женщина могла спросить, как она себя чувствует.

– Скверно, – ответила Джинни. – Если придется ухаживать за мамой, кто будет делать мои дела?

– А куда ее положили?

– Паршивый дешевый приют. Только на него хватило маминой страховки. Но я заберу ее сразу же, как только найдутся деньги на что-нибудь более приличное. – На том конце провода повисла выжидательная тишина, и Джинни поняла: Гита думает, что она сейчас попросит у нее денег. – Собираюсь давать частные уроки по выходным, – торопливо добавила она. – Ну как, ты спрашивала у босса о разрешении?

– Вообще-то да.

Джинни затаила дыхание.

– Все наши очень заинтересовались твоей программой, – сказала Гита.

Ни нет, ни да.

– У вас что, нет систем компьютерного сканирования?

– Есть, конечно, но твоя поисковая система работает быстрее, чем любая из наших. У нас уже поговаривают о том, чтобы купить у тебя лицензию на ее использование.

– Вот это да! Может, тогда вопрос о частных уроках отпадает?

Гита рассмеялась.

– Прежде чем открывать бутылку шампанского, мы все же должны убедиться, что программа работает нормально.

– И как скоро это произойдет?

– Собираемся апробировать ее на нашей обычной базе

данных как-нибудь вечером. Когда вечер выдастся спокойный. Ну, через неделю, максимум через две.

– А раньше?

– К чему такая спешка?

Причина для спешки была, но Джинни не хотелось делиться с Гитой своими опасениями.

– Просто не терпится, – сказала она.

– Сделаю, как только смогу, не волнуйся. Можешь переслать мне программу по электронной почте?

– Конечно. Послушай, Гита, а тебе не кажется, что я должна быть там, с вами, когда вы будете ее испытывать?

– Нет, не кажется, Джинни, – ответила Гита, и по голосу Джинни поняла, что подруга улыбается. – Так, теперь записывай... – Гита продиктовала ей адрес своей электронной почты. – Результаты пришлю тоже по сети.

– Спасибо. Послушай, Гита...

– Да?

– Как думаешь, мне теперь понадобится защита от налоговой службы?

– Да пошла ты знаешь куда! – И с этими словами Гита повесила трубку.

Джинни щелкнула «мышкой» и вошла в Интернет. Ее поисковая программа начала перегружаться на компьютер ФБР. Тут в дверь постучали, и вошел Стивен Логан.

Она взглянула на него и кивнула головой. Вчера этот юноша узнал шокирующие подробности о своем происхожде-

нии, и это отражалось на его лице. Но он был молод и стоек и достойно перенес удар. Стивен принадлежал к психологически стабильному типу. Если бы в нем преобладали криминальные наклонности – как, очевидно, в случае с его братом Деннисом, – он бы давно затеял с кем-нибудь драку.

– Как дела? – спросила она.

Он закрыл за собой дверь.

– Да вроде бы все закончили. Прошел все тесты, все анализы сдал, все замеры с меня сняли, на все вопросы, изобретенные гениальными учеными, вроде бы ответил.

– В таком случае ты свободен. И можешь ехать домой.

– Хотел задержаться в Балтиморе еще на один день. Вообще-то я пришел спросить... вы не согласились бы пообедать со мной сегодня вечером?

Джинни удивилась.

– Но зачем? – спросила она и тут же спохватилась. Вопрос был бестактный.

Стив растерялся.

– Ну, вообще-то мне хотелось бы больше узнать о ваших исследованиях...

– О, понимаю. К сожалению, сегодня я уже приглашена на обед.

Лицо его разочарованно вытянулось.

– Вы, наверное, считаете, что я еще слишком молод?

– Для чего?

– Чтобы приглашать вас куда-то?

– Вот уж не подумала, что ты приглашаешь меня на свидание.

Он смутился.

– Думал, вы сразу поймете.

– Извини... – Она действительно не поняла этого сразу. Вчера он приходил на теннисный корт, посмотреть, как она играет. Но затем весь день она думала о нем только как о предмете изучения. И потом, пришло ей в голову уже сейчас, он слишком молод, чтобы назначать ей свидания. Ему всего двадцать два, он студент. Она же на целых семь лет старше – слишком большая разница.

– И сколько же лет тому, с кем вы встречаетесь? – спросил он.

– Пятьдесят девять или шестьдесят, что-то около того.

– А-а, ясно. Вам нравятся пожилые мужчины.

Джинни было неловко за то, что она ему отказала. Ведь в каком-то смысле она его должница. Тут в компьютере звякнул колокольчик – это означало, что работа программы завершена.

– Я буду здесь весь день, – сказала она. – Может, зайдем выпить в университетский клуб?

Лицо Стива тут же просияло.

– О, конечно, с удовольствием! Как я одет, нормально?

На нем были летние брюки цвета хаки и голубая льняная рубашка.

– Да ты одет лучше, чем большинство наших профессо-

ров, – улыбнувшись, заметила Джинни и выключила компьютер.

– Звонил маме, – сообщил Стив. – Рассказал ей о вашей теории.

– Она, наверное, страшно рассердилась?

– Она смеялась. И сказала, что меня не усыновляли и что никакого брата-близнеца у меня нет и не было.

– Странно...

Какое облегчение, подумала Джинни, что семья Логанов восприняла все это так спокойно. Но с другой стороны, тот факт, что они так легко отмахнулись от новости, мог означать, что Стивен и Деннис вовсе не являются братьями-близнецами.

– Знаешь... – начала она и тут же замолчала. Пожалуй, хватит испытывать этого мальчика на прочность. Но затем она все же решилась и продолжила: – Есть еще одно возможное объяснение тому, как вы с Деннисом стали близнецами.

– Знаю, про что вы подумали, – сказал он. – Про младенцев, которых воруют в больницах.

Очень сообразителен, в этом ему не откажешь.

– Да, верно, – кивнула она. – У мамы под номером один два мальчика-близнеца, у мам под номерами два и три по одному мальчику. Близнецов отдают мамам под номерами два и три, а их младенцев – маме под номером один. Дети растут, и постепенно мама номер один начинает понимать, что близнецы у нее разнаяйцевые, а потому совсем не похо-

жи один на другого.

– А две остальные мамы не знакомы друг с другом, и потому никто не замечает разительного сходства между их сыновьями.

– Старый популярный сюжет, – кивнула Джинни. – Что вовсе не означает, что подобная ситуация невозможна.

– А есть у вас какая-нибудь книга о близнецах? – спросил Стив. – Хотелось бы узнать об этом больше.

– Да, есть одна... – Джинни оглядела книжные полки. – Но здесь ее нет, осталась дома.

– А где вы живете?

– Поблизости.

– Может, пригласите меня к себе?

Она колебалась. Впрочем, какие могут быть сомнения? Это ведь нормальный близнец, а не преступник или психопат.

– Вы так много узнали за этот день обо мне, – заметил Стив. – Так что, мне кажется, я заслужил право узнать хоть немного о вас. Посмотреть, как вы живете.

Она пожала плечами:

– Почему бы нет? Ладно, пошли.

Было уже пять, и, выйдя из Дурдома, они почувствовали, что жара немного спала. Увидев красный «мерседес», Стив присвистнул.

– Шикарная машинка, ничего не скажешь!

– Она у меня уже восемь лет, – сказала Джинни. – И я ее

очень люблю.

— Моя машина на автостоянке. Схожу за ней, подгоню и мигну вам фарами.

Он ушел. Джинни села за руль и включила мотор. Через несколько минут увидела в боковом зеркале включенные фары и выехала со стоянки.

Уже на выезде из кампуса она заметила, что в хвост машине Стива пристроился полицейский автомобиль. Взглянула на спидометр и сбросила скорость до тридцати миль в час.

Похоже, этот Стивен Логан на нее запал. Чувств его она не разделяла, но была польщена. Ей приятна была мысль о том, что она могла понравиться красивому молодому парню.

Он ехал следом за ней всю дорогу к ее дому. И вот наконец она остановилась, а Стив припарковался сзади.

Жила Джинни в старой части города, где все дома украшали длинные веранды с общим крыльцом и ступеньками. Обитатели этих домов могли наслаждаться здесь вечерней прохладой в те времена, когда о кондиционерах и слыхом не слыхивали. Джинни поднялась по ступенькам, пересекла веранду и остановилась у своей двери, нащаривая ключи в сумочке.

Из патрульной машины выскочили два копа с пистолетами. Взяли на мушку Стивена и Джинни и застыли в нелепых позах.

Сердце у Джинни екнуло.

Стивен сказал:

– Какого хрена...

Один из копов завопил:

– Полиция! Ни с места! Стоять!

Джинни со Стивом дружно подняли руки вверх.

Но стражи порядка не унимались.

– На пол, мать вашу! – заорал один из них. – Лежать! Мордой вниз, руки на затылок!

Джинни со Стивом легли на дощатый пол веранды.

Копы осторожно подкрались к ним, словно на теле Джинни или Стива были установлены взрывные устройства.

Джинни спросила:

– Может, все-таки объясните, из-за чего весь этот переполох?

– Вы можете встать, леди, – сказал один из полицейских.

– Огромное вам спасибо. – Джинни поднялась на ноги. Сердце у нее билось как бешеное, но в целом она сохраняла спокойствие. По всей видимости, полицейские совершили ошибку. – Ну ладно, одного вы уже добились, перепугали нас чуть ли не до смерти. Может, хоть теперь объясните, что, черт возьми, происходит?

Они не ответили, продолжая держать Стива на прицеле. Затем один из копов опустился рядом с ним на колени и быстрым натренированным движением надел на Стива наручники.

– Ты арестован, сучий потрох! – сказал коп.

– Я женщина широких взглядов, – не преминула заметить

Джинни, – но неужели нельзя обойтись без бранных слов? – Никто не обратил на нее внимания. Тогда она попробовала снова: – Может, все же скажете, в чем его обвиняют?

Возле полицейского автомобиля с визгом затормозил голубой «додж», из него вышли двое, мужчина и женщина. Джинни изумилась: детектив Миш Делавер собственной персоной, причем на ней были те же юбка и блузка, что сегодня утром, только сверху она надела длинный льняной жакет, не скрывавший, впрочем, пистолета в кобуре у бедра.

– А вы быстро добрались, – заметил один из полицейских.

– Просто оказалась неподалеку, – кивнула Миш. И взглянула на лежавшего на полу Стива. – Поднимите его, – распорядилась она.

Патрульный помог Стиву подняться.

– Да, это он, – сказала Миш. – Тот самый парень, что изнасиловал Лизу Хокстон.

– Стивен?.. – недоверчиво воскликнула Джинни. *Господи, а я едва не привела его к себе домой!..*

– Изнасиловал? – возмутился Стивен.

– Патрульные засекли его машину на выезде из кампуса, – сказала Миш.

Тут Джинни впервые разглядела автомобиль Стива. Светло-бежевый «датсун», совсем старый. И она вспомнила слова Лизы о том, что та видела, как насильник уехал на старом белом «датсуне».

Она уже немного оправилась от шока и начала мыслить

более рационально. Полиция подозревает его. Что ж, это их право, и одновременно это вовсе не означает, что он виновен. Где доказательства? И она сказала:

– Знаете, если вы собираетесь арестовывать каждого, кто ездит на старом «датсуне»...

Миш протянула Джинни листок бумаги. Это был составленный на компьютере черно-белый фотопортрет предполагаемого преступника. Джинни уставилась на него. Нет сомнений, изображенный на нем мужчина действительно был похож на Стивена.

– Может, он, а может, и нет, – сказала Джинни.

– Почему вы были вместе?

– Он наш испытуемый. Мы проверяли его на разных тестах в лаборатории. Я не верю, что он – тот самый парень! – Результаты тестов показали, что Стив унаследовал гены потенциального преступника. Но они также со всей очевидностью показали, что он *не развился* в преступника.

Миш спросила у Стивена:

– Вы можете отчитаться за свои действия вчера, между семью и восемью часами вечера?

– Ну, я был в университете Джонс-Фоллз.

– И что вы там делали?

– Да ничего особенного. Должен был встретиться со своим кузеном Рики, но тот отменил встречу. Просто пришел узнать, действительно ли я должен быть в лаборатории с утра. А так... больше ничего.

Объяснение выглядело слабовато даже на взгляд Джинни. «А может, Стив действительно насильник?» – с отвращением подумала она. Но если это так, вся ее теория ни к черту не годится.

Миш спросила:

– Как вы проводили время?

– Сначала посмотрел, как играют в теннис. Потом пошел в бар в Чарлз-Виллидж и просидел там часа два. Пожар пропустил.

– Может кто-то подтвердить сказанное вами?

– Ну, доктор Феррами. Я с ней разговаривал, хотя в тот момент не знал, кто она такая.

Миш обернулась к Джинни. Джинни заметила в ее глазах враждебность и вспомнила, как они сцепились нынешним утром, когда Миш пыталась склонить Лизу к сотрудничеству.

– Это было после теннисного матча, – сказала Джинни. – За несколько минут до того, как начался пожар.

– Так что вы не можете сказать, где именно находился подозреваемый в момент изнасилования, – заметила Миш.

– Нет, зато могу сообщить вам нечто другое, – сказала Джинни. – Весь день я провела с этим человеком, подвергая его различным тестам. И результаты показывают, что по своему психологическому типу он никак не может быть преступником.

– Это не доказательство, – фыркнула Миш.

– Но и это тоже не доказательство, – заявила Джинни, скатала из листа бумаги с фотороботом шарик и швырнула его на землю.

Миш кивнула полицейским:

– Едем.

– Подождите минуту, – отчетливо и спокойно произнес вдруг Стивен.

Все присутствующие посмотрели на него.

– Джинни, мне безразличны эти люди. Но лично вам я хотел бы сказать, что не делал этого. И никогда не сделаю ничего подобного.

И она ему сразу поверила. А потом спрашивала себя почему. Потому ли, что он был нужен ей для доказательства ее собственной теории? Да нет же, ведь все психологические тесты подтверждали, что у него нет ни одной характерной для преступника черты. Было и еще одно доказательство в пользу Стивена: ее интуиция. С ним она чувствовала себя в безопасности. Ничто в нем не настораживало. Он внимательно слушал ее, не пытался обидеть или оскорбить, не сделал ни одной попытки прикоснуться к ней, не выказывал ни гнева, ни враждебности. Ему нравились женщины, и он ее уважал. Никакой он не насильник, это ясно.

Она спросила:

– Хочешь, чтоб я позвонила твоим родителям?

– Нет, – решительно ответил он. – Они будут волноваться.

А так мы просто разберемся в этом недоразумении, и все

закончится через несколько часов. Я им потом расскажу.

– А разве они не ждут тебя сегодня?

– Я звонил и сказал, что могу еще на одну ночь остаться у Рики.

– Ну ладно, раз ты так уверен... – с сомнением протянула она.

– Поехали, – нетерпеливо сказала Миш.

– К чему такая спешка? – не выдержала Джинни. – Или хотите побыстрее арестовать невинного человека?

– Хотите сказать мне что-то еще? – гневно сверкнула глазами Миш.

– Что будет дальше?

– Мы должны провести опознание. Пусть Лиза Хокстон решает, он это или нет. Вас устраивает такой расклад, доктор Феррами? – с сарказмом в голосе добавила Миш.

– Вполне, – коротко ответила Джинни.

Стивена усадили в светло-голубой «додж» и повезли в управление полиции. Женщина-детектив сидела за рулем, рядом с ней расположился плотный белый мужчина с усами – маленькая машина казалась для него тесной. Всю дорогу они молчали.

Стив ничем не выдавал своего возмущения. Почему, черт возьми, он должен сейчас ехать в этой неудобной машине с наручниками на запястьях, вместо того чтоб сидеть в гостях у Джинни Феррами с бокалом холодного напитка в руке? Нет, лучше уж поскорее покончить со всем этим.

Управление полиции размещалось в здании из розового гранита, в самом значном месте Балтимора. Этот район так и кишел сомнительными заведениями, стриптиз-барами, кинотеатрами, где показывали жесткое порно. Они поднялись по пандусу и въехали в гараж. Там было полно полицейских автомобилей, но стояли и обычные дешевенькие машины, типа «доджа» Миш.

Миш и усатый детектив поднялись вместе со Стивом в лифте и ввели его в комнату со стенами, выкрашенными желтой краской, и без окон. Сняли с него наручники и вышли. Наверняка заперли дверь, но проверять он не стал.

Обстановку комнаты составляли стол и два пластиковых стула. На столе пепельница, в ней два окурка от сигарет с

фильтром, на одном видны следы губной помады. В дверь вделана панель из непрозрачного стекла. Через нее Стиву ничего не было видно, но он догадался, что люди, находившиеся с той стороны, видят его прекрасно.

Он взглянул на пепельницу и пожалел, что не курит. Хотя какое-то занятие в этой унылой желтой комнате. Но вместе этого он поднялся и начал расхаживать взад-вперед.

Он пытался внушить себе, что ничего страшного не произошло. Бояться ему нечего. Он мельком видел фоторобот, и хотя у человека, изображенного на нем, действительно имелось с ним некоторое сходство, это не он. И когда на опознании он будет стоять в одном ряду с другими высокими молодыми мужчинами, жертва на него не укажет, это точно. Уж бедняжка хорошо разглядела того мерзавца, достаточно долго видела его, и лицо запечатлелось у нее в памяти. Она не ошибется.

Надо посмотреть на всю эту историю под другим, более оптимистичным углом. Ему на собственной шкуре предстоит испытать, что такое американская система правосудия. Он сам будет себя защищать, и получится неплохая практика. Когда же в будущем ему придется представлять интересы клиента, обвиняемого в каком-либо преступлении, он будет знать, через что прошел этот человек в полицейском участке.

Самому ему уже довелось побывать в камере предварительного заключения, но тогда все было иначе. Ему едва исполнилось пятнадцать, и в полицию его доставили в сопро-

вождении одного из учителей. Он сразу же признался в преступлении и во всех подробностях пересказал полицейским, что именно произошло. Они видели на нем следы побоев – это означало, что дрались оба. А потом приехали родители и забрали его домой.

Это был самый постыдный момент в его жизни. Когда мама с папой вошли в камеру, единственным желанием Стива было провалиться сквозь землю. Отец выглядел таким угнетенным, словно его подвергли неслыханному унижению; на лице мамы застыло скорбное выражение. И оба они были растеряны. Единственное, на что ему тогда хватило сил, – это не разрыдаться. До сих пор при одном только воспоминании об этом к горлу подкатывает ком.

Ну а сейчас все по-другому. На этот раз он ни в чем не виноват.

Вошла женщина-детектив с картонной папкой. Сняла жакет, но револьвер в кобуре оставила. Она была довольно привлекательной, немного полноватой чернокожей женщиной лет сорока и держалась с начальственным видом.

Стивен с облегчением поднял на нее глаза.

– Слава Богу, – пробормотал он.

– Почему?

– Хотя что-то происходит. Не намерен торчать здесь всю ночь.

– Будьте добры, присядьте.

Стив сел.

– Я сержант полиции Мишель Делавер. – Она достала из папки листок бумаги, положила его на стол. – Назовите ваше полное имя и адрес.

Он назвал, она записала.

– Возраст?

– Двадцать два года.

– Образование?

– Диплом об окончании колледжа.

Она продолжала заполнять бланк, затем придвинула его к Стиву через стол. Вверху было написано:

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ
БАЛТИМОР, ШТАТ МЭРИЛЕНД

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРАВ
Форма № 69

– Прочтите, пожалуйста, все пять предложений в форме, затем впишите свои инициалы в свободную клеточку возле каждого предложения. – Она протянула ему ручку.

Он начал читать и собрался вписать инициалы в первую клеточку.

– Вы должны читать вслух, – заметила она.

– Чтоб вы знали, что я грамотный? – спросил он.

– Нет. Это делается для того, чтобы позже вы не смогли притвориться неграмотным и заявить, что вам не объяснили ваши права.

Таким вещам в колледже их не учили.

Он начал читать:

– Вам рекомендуют вести себя следующим образом. Первое: вы имеете полное право хранить молчание. – Он вписал «СЛ» в клеточку в конце первой строчки, затем продолжил, не забывая вписывать инициалы. – Второе: все, что вы скажете или напишете, может быть использовано против вас. Третье: вы имеете право советоваться со своим адвокатом в любое время до допроса, перед тем как ответить на какой-либо вопрос, или во время допроса. Четвертое: если вам необходим адвокат и вы не можете позволить себе нанять адвоката, вы имеете право не отвечать на вопросы до тех пор, пока суд по вашему запросу не назначит вам адвоката. Пятое: если вы согласитесь отвечать на вопросы, то имеете право в любой момент остановиться и потребовать адвоката и до его прибытия не отвечать ни на какие вопросы.

– А теперь, пожалуйста, подпись – вот здесь. – Она указала на строку в бланке. – Здесь и здесь.

Первое место для подписи находилось под следующими строчками:

«Я прочел вышеуказанное объяснение моих прав и понял его целиком и полностью». Подпись.

Стив расписался.

– А теперь еще ниже, – сказала она.

«Я согласен ответить на вопросы, и мне в настоящее время адвокат не нужен. Мое решение отвечать на вопросы без присутствия адвоката принято добровольно и без какого-ли-

бо принуждения». Подпись.

Стив вздохнул и заметил:

– Как это, черт побери, вам удастся выбить эту подпись из людей виновных?

Она не ответила. Напечатала его имя, затем поставила свою подпись в самом низу. Убрала бланк в папку и подняла на него глаза.

– Ты вляпался в большие неприятности, Стив, – сказала она. – Но судя по всему, человек ты неглупый. Почему бы тебе не рассказать, как все произошло?

– Не могу, – ответил он. – Просто потому, что меня там не было. Я похож на того негодяя, который это совершил, вот и все.

Она откинулась на спинку стула, скрестила ноги и дружелюбно улыбнулась.

– Уж я-то мужчин знаю, – негромко протянула она. – Бывает, на них находит.

Ишь как мурлычет, подумал Стив. Послушаешь ее, и покажется, что она не прочь тебя поиметь.

Она же тем временем продолжила:

– Дай-ка я попробую догадаться, о чем ты думаешь. Ты парень симпатичный, вот она к тебе и потянулась. Сама пристала, намекнула, что не прочь. Верно?

– Я никогда не встречал этой женщины, сержант.

Но она проигнорировала эти его слова. Подалась всем телом вперед, потянулась через стол, накрыла его ладонь сво-

ей.

– Думаю, это она тебя спровоцировала.

Стивен рассматривал ее руку. Красивые ногти, не слишком длинные, покрыты бесцветным лаком. А вот рука морщинистая. Да ей уже далеко за сорок. Как минимум сорок пять.

Голос ее звучал заговорщицки интимно, точно она хотела сказать: «Все это останется между нами».

– Она сама напросилась. Вот ты и дал ей то, чего она хотела. Верно?

– Да с чего это вы взяли, черт побери? – возмутился Стив.

– Я знаю, какие они бывают, эти девушки. Она завела тебя, а в последний момент передумала. Но было уже слишком поздно. Ведь мужчина не может просто так остановиться, если он, конечно, настоящий мужчина.

– Я все понял, – сказал Стив. – Подозреваемые соглашались с вами, думают, что от этого будут лучше выглядеть в ваших глазах. Но по сути дела признают тем самым, что половое сношение состоялось, а вам того и надо!

Сержант Делавер раздраженно откинулась на спинку стула, и Стивен понял, что попал в точку.

Она встала.

– Ладно, умник, тогда пошли со мной.

– Куда это?

– В камеру.

– Погодите! А как же опознание?

– Как только привезем жертву сюда, будет тебе опознание.

– Но вы не имеете права задерживать меня на неопределенное время без соответствующего решения суда.

– Мы имеем полное право задержать тебя на двадцать четыре часа без всяких предварительных слушаний. Так что заткни варежку и ступай за мной.

Они спустились вниз на лифте и оказались в холле со стенами, выкрашенными унылой коричнево-рыжей краской. На стене висела табличка, напоминающая офицерам о необходимости держать подозреваемого в наручниках во время обыска. За высокой стойкой дежурил темнокожий полицейский лет пятидесяти.

– Привет, Спайк, – сказала сержант Делавер. – Вот, привела тебе одного умника из колледжа.

– Если он такой умный, – ухмыльнулся Спайк, – то как попал к нам?

Они расхохотались. Стив про себя отметил, что, пожалуй, не стоит больше показывать копам, что он разгадал ход их мыслей. Это их только раздражает. Его обычная ошибка: в колледже он точно так же разоблачал учителей. Никто не любит слишком умных людей.

Спайк был жилистым мужчиной небольшого росточка с седеющими волосами и маленькими усиками над верхней губой. Он казался бойким и веселым, но глаза смотрели холодно. Отперев стальную дверь, он спросил:

– Ты сама-то в камеру зайдешь, Миш? Если да, то я дол-

жен буду попросить тебя оставить оружие.

– Нет, пока я больше им заниматься не буду, – ответила Мишель. – Позже его вызовут на опознание. – И она вышла.

– Сюда, парень, – сказал Спайк Стиву.

Он вошел в дверь и оказался в тюремном блоке. Стены и пол одинакового грязного цвета. Стиву показалось, что лифт остановился на втором этаже, но окон здесь не было, и сразу же возникло ощущение, что он находится глубоко под землей.

В небольшой прихожей стоял стол, сбоку на штативе висела камера. Спайк вынул из ящика стола бланк. Пробежал его глазами. Стив заметил «шапку»:

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ
БАЛТИМОР, ШТАТ МЭРИЛЕНД
ОТЧЕТ О ПОВЕДЕНИИ ЗАКЛЮЧЕННОГО
ФОРМА № 92/12

Спайк снял колпачок с шариковой ручки и начал заполнять бланк. Закончив, указал пальцем на круг на полу и сказал:

– Становись сюда.

Стив встал перед камерой. Спайк надавил на кнопку, сверкнула вспышка.

– Повернись боком.

Снова вспышка.

Затем Спайк достал квадратную картонную карточку с текстом, написанным красными чернилами:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ
МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ США
ВАШИНГТОН, О.К. 20537

Спайк велел Стиву прижать пальцы к подушечке, пропитанной чернилами, а потом прикладывать их поочередно к специально отведенным квадратикам с пометками «Большой», «Указательный» и так далее. При этом Стив заметил, что у маленького Спайка непропорционально крупные руки с сильно выступающими венами. Занимаясь своим делом, Спайк непринужденно болтал:

– В городской тюрьме на Гринмаунт-авеню у нас есть новый центр сбора данных, и там отпечатки пальцев снимает компьютер, причем без всяких чернил. Ну вроде такой здоровенной машины, которая делает фотокопии. Просто прижимаешь руку к стеклу. А здесь пока что используем старую систему.

И Стив вдруг понял, что испытывает стыд, хотя никакого преступления и не совершал. Возможно, повлияла мрачная обстановка, но главное – он ощущал полную беспомощность. С того самого момента, когда копы выскочили из патрульной машины возле дома Джинни, его перетаскивали с места на место, точно кусок мяса, и он был себе не хозяин. А это ощущение очень быстро подрывает у человека уверенность в себе.

Когда отпечатки сняли, Спайк разрешил ему помыть руки.

– Теперь позвольте проводить вас в ваши апартаменты, – весело сказал Спайк.

И он повел Стивена по коридору. Слева и справа тянулись камеры, каждая имела форму квадрата. От коридора их отделяла решетка, так что каждый квадратный дюйм камеры прекрасно просматривался. Через решетку Стив успел заметить, что в каждой камере находится железная койка, привинченная к стене, а также туалет и умывальник из нержавеющей стали. Стены и койки были выкрашены в коричнево-рыжий цвет и сплошь исписаны и изрисованы. У унитазов не было крышек. В трех или четырех камерах на койках лежали люди, но все остальные были пусты.

– По понедельникам тут у нас обычно тишь да благодать, – снова пошутил Спайк.

Даже под страхом смерти Стив был просто не способен выдавить хотя бы нечто похожее на улыбку.

Наконец Спайк остановился возле одной из пустующих камер и начал ее отпирать. Стив понял, что если ему понадобится в туалет, то он будет вынужден делать это на глазах любого, кто бы ни прошел в этот момент по коридору – мужчина или женщина. И это показалось ему особенно унижительным.

Спайк отворил стальную дверцу в решетке и пропустил Стива в камеру. Дверца с грохотом захлопнулась, ключ повернулся в замке.

Стив уселся на койку.

– Господи Боже, ну и местечко!.. – пробормотал он.

– Да ничего, привыкнешь, – весело усмехнулся Спайк и ушел.

Минуту спустя он вернулся с пластиковым пакетом в руке.

– Вот тут у меня от обеда осталось... Жареный цыпленок. Хочешь?

Стив взглянул на пакет, потом покосился в сторону унитаза и отрицательно помотал головой.

– Нет, спасибо, – сказал он. – Я не голоден.

Беррингтон заказал шампанское.

Джинни с удовольствием бы выпила «Столичной» со льдом, особенно если учесть, какой тяжкий у нее выдался день, но она понимала, что, заказав столь крепкий напиток, произведет на шефа дурное впечатление, а потому решила промолчать.

Шампанское предполагало романтику. Во время прежних встреч с ней он был любезен и обаятелен, но дальше этого дело не шло. Неужели он собрался за ней приударить? Она занервничала. Ей ни разу в жизни не доводилось встретить мужчину, который бы благосклонно принял от ворот поворот. А этот мужчина к тому же ее начальник.

Она не стала говорить ему о Стивене, хоть и собиралась сделать это несколько раз во время обеда. Но что-то ее останавливало. Ведь если вопреки всем ее надеждам и ожиданиям Стив все же окажется преступником, вся ее теория разлетится в пух и прах. Сейчас ей не хотелось даже думать об этом. Пусть сначала докажут. И вообще она была твердо уверена, что произошла какая-то досадная ошибка.

Она говорила с Лизой. «Они арестовали Брэда Питта!» — сказала она подруге. Лиза пришла в ужас, узнав, что предполагаемый преступник провел весь день у нее на работе, в Дурдоме, и что Джинни собиралась пригласить его к се-

бе домой. Но Джинни выразила полную уверенность в том, что Стив никакой не преступник. Позже она пожалела, что позвонила подруге, – ведь звонок можно расценить как попытку повлиять на свидетеля. Впрочем, какая разница? Перед Лизой выстроят в ряд несколько белых молодых людей, и она либо узнает среди них изнасиловавшего ее человека, либо нет. Ошибиться она никак не сможет.

Джинни поговорила с мамой. Сегодня ее навестила Пэтти с тремя сыновьями, и мама с умилением рассказывала о том, как мальчишки носились по коридорам приюта. К счастью, она, видимо, забыла, что ее привезли в Белла-Висту только вчера. Впечатление было такое, что она успела прожить там несколько лет. Она даже упрекала Джинни в том, что та не заходит к ней чаще. После этой беседы Джинни немного успокоилась: с мамой не так уж все и плохо.

– Как вам морской окунь? – спросил Беррингтон, прервав ее размышления.

– О, просто восхитителен! Очень вкусно.

Он провел по брови кончиком указательного пальца. Ей этот жест почему-то показался жеманным.

– А теперь задам вам еще один вопрос. И хотелось бы, чтоб вы ответили на него абсолютно искренне. – Он улыбнулся, как бы давая понять, что она не должна слишком серьезно воспринимать эти слова.

– Договорились.

– Десерт будете?

– О да. Вы что же, причисляете меня к тому разряду женщин, которые не станут искренне отвечать на этот вопрос?

Он покачал головой:

– Я вообще считаю вас человеком искренним. Вы редко притворяетесь.

– Ну, не скажите. Иногда меня называют бестактной.

– Это самый большой ваш недостаток?

– Постараюсь справиться с ним. Ну а какой ваш самый большой недостаток?

Беррингтон ответил не колеблясь:

– Влюбчивость.

– Разве это недостаток?

– Да, в том случае, если вы делаете это слишком часто.

– Или же влюбляетесь не в одного, а, скажем, сразу в двух человек.

– Возможно, мне следует написать Лорейн Логан и попросить у нее совета.

Джинни рассмеялась. Но ей не хотелось переводить разговор на Стивена.

– А кто ваш любимый художник? – спросила она.

– Попробуйте догадаться.

Беррингтон – ярый патриот, а потому наверняка сентиментален, подумала она.

– Норман Рокуэлл³?

---

³ Норман Рокуэлл (1894–1978) – американский художник, автор сельских и провинциальных пейзажей. – *Примеч. ред.*

– Ну разумеется, нет! – Лицо его искривила брезгливая гримаса. – Вульгарный примитивный иллюстратор! Нет, если б я мог себе позволить, то собирал бы американских импрессионистов. Особенно равнодушен к зимним пейзажам Джона Генри Туактмана⁴. «Белый мост» – самая любимая моя картина. Ну а вы?

– Теперь ваш черед угадывать.

Он на секунду задумался.

– Миро⁵?

– С чего вы взяли?

– Просто показалось, что вам должны нравиться яркие цветовые гаммы.

Она кивнула:

– Да, близко. Но не совсем точно. Миро какой-то уж слишком сумбурный. Я предпочитаю Мондриана⁶.

– Ах, ну да, конечно! Прямые линии.

– Именно. А вы догадливы.

Он пожал плечами, и Джинни подумала, что этот ловелас наверняка играл в такие игры со многими женщинами.

---

⁴ Джон Генри Туактман (1853–1902) – американский художник-импрессионист. – *Примеч. ред.*

⁵ Джоан Миро (1893–1983) – испанский живописец, автор работ в духе абстракционизма и сюрреализма. – *Примеч. ред.*

⁶ Клод Мондриан (1840–1926) – французский живописец, представитель импрессионизма, один из основателей группы «Стиль». Создатель неопластицизма – абстрактных композиций из прямоугольных фигур, окрашенных в основные цвета спектра. – *Примеч. ред.*

Она взяла ложечку шербета с манго. Обед получался явно не деловой. И вскоре ей предстоит решить, как будут складываться дальше отношения с Беррингтоном.

Она не целовалась с мужчиной вот уже года полтора. С тех пор как Уилл Темпл ее бросил, она даже ни разу не ходила на свидание, вплоть до сегодняшнего дня. Зла на Уилла она не держала; она больше не любила его. Но этот монашеский образ жизни просто сводил ее с ума.

Она устала быть одна. Хотелось, чтобы рядом в постели был мужчина; она истосковалась даже по мужским запахам – смазочного масла, потных футболок и виски. Но больше всего ей не хватало секса. И когда какие-нибудь радикальные феминистки восклицали, что пенис – это враг женщины, ей хотелось крикнуть в ответ: «Говори только за себя, сестричка!»

Она подняла глаза на Беррингтона – он ел яблоко в карамели. Ей нравился этот мужчина, несмотря на его старомодные политические взгляды. Он был умен, в нем чувствовалась сила, он привык быть победителем. Она уважала его за научные достижения. Подтянутый, крепкий, с красивыми голубыми глазами, он наверняка был опытным и умелым любовником.

И все равно он слишком стар для нее. Ей нравились зрелые мужчины, однако не настолько же зрелые...

Но как отвергнуть его, не подвергая риску свою карьеру? Лучше всего притвориться. Сделать вид, будто она воспри-

нимает его внимание лишь как отеческую заботу о себе.

Джинни сделала глоток шампанского. Официант то и дело подливал ей в бокал, и она уже не помнила, сколько выпила. И радовалась тому, что ей не придется садиться за руль.

Они заказали кофе. Джинни попросила двойной эспрессо – чтобы хоть немного протрезветь. Беррингтон оплатил счет, и вот они спустились на лифте в гараж и уселись в его серебристый «линкольн».

Беррингтон проехал вдоль залива, затем свернул на скоростное шоссе, ведущее к Джонс-Фоллз.

– А вон там городская тюрьма, – сказал он и указал на здание, напоминавшее старинную крепость и занимавшее почти целый квартал. – Вся мразь, все отбросы общества находятся там.

«Возможно, и Стив сейчас там», – подумала она.

Да как ей только в голову могло прийти такое – даже думать о том, стоит ей спать с Беррингтоном или нет? Она не чувствовала к нему ни малейшей привязанности или теплоты. Ей стало стыдно, что за обедом она всерьез рассматривала такую возможность. И когда он остановился у ее дома, она сухо сказала:

– Что ж, Берри, огромное вам спасибо за чудесный вечер. – Интересно, сделает ли он попытку поцеловать ее? Или ограничится рукопожатием? Если все же попробует поцеловать, она подставит ему щеку.

Но он не сделал ни того ни другого.

– Мой домашний телефон вышел из строя, – сказал он. – Но мне нужно сделать перед сном один срочный звонок. Могу я зайти к вам и позвонить?

Джинни никак не могла ответить ему: «Э-э, нет уж, голубчик, езжайте к ближайшему телефону-автомату». Это было бы просто бестактно с ее стороны.

– Да, конечно, – пробормотала она, с трудом подавив вздох. – Идемте. – И она вышла из машины, размышляя над тем, стоит ли предлагать ему кофе. Нет, лучше не надо.

Наружная дверь открывалась в крохотную прихожую, из которой вели еще две двери, одна – в квартиру на первом этаже, где обитал мистер Оливер, теперь пенсионер, а раньше портовый грузчик; вторая, дверь Джинни, вела на лестницу: квартира девушки находилась на втором этаже.

Она поднялась, затем остановилась и нахмурилась. На лестничной площадке горел свет. Дверь в квартиру была распахнута настежь.

В квартире свет также был включен. Странно, ведь она ушла до наступления темноты. И точно помнила, что заперла за собой дверь.

Дверь открывалась прямо в гостиную. Она вошла и вскрикнула.

Он стоял возле холодильника с бутылкой водки в руке. Растрепанный, небритый и не совсем трезвый.

– Что происходит? – произнес у нее за спиной Беррингтон.

– Ты плохо заботишься о безопасности своего жилья, Джинни, – заметил пришелец. – Я вскрыл твои замки за десять секунд.

– Кто он такой, черт побери? – воскликнул Беррингтон.

– Когда ты вышел из тюрьмы, папа? – сдавленным голосом спросила Джинни.

Комната для проведения опознаний находилась на том же этаже, что и камеры.

Шестеро мужчин примерно одного возраста со Стивом выстроились в ряд. Наверное, все копы, подумал он. Они с ним не разговаривали, даже избегали его взгляда. Относились к нему, как к преступнику. Его так и подмывало сказать им: «Эй, ребята, вы чего? Я же на вашей стороне. Никакой я не насильник. И ни в чем не виноват».

Все они сняли наручные часы и ювелирные украшения, а поверх одежды надели одинаковые белые комбинезоны. Пока они готовились, вошел молодой человек и сказал:

– Кто здесь подозреваемый?

– Это я, – ответил Стив.

– Я Лью Тэннер, общественный защитник, – представился молодой человек. – Я здесь для того, чтобы проследить, что опознание проходит по всем правилам. У вас есть ко мне вопросы?

– Сколько мне еще торчать здесь после того, как все закончится? – спросил Стив.

– Пару часов пробыть придется, если на вас, конечно, не укажут.

– Пару часов! – возмущенно воскликнул Стив. – Так мне что же, снова придется вернуться в эту чертову клетку?

– Боюсь, что да.

– Господи Боже!..

– Я попрошу, чтоб они побыстрее оформили все ваши бумаги, – пообещал ему Лью. – Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

– Хорошо. – И он вышел.

Спайк вывел всех семерых мужчин через дверь на некое подобие сцены или помоста. На заднике была шкала с указанием их роста, а также номера, закрепленные за каждым участником. Помост был ярко освещен и отделялся от остального помещения занавесом. Участники опознания не могли видеть сквозь него, что происходит в комнате, но слышно было почти все.

Поначалу раздавались лишь приглушенные мужские голоса. Затем Стив различил женские шаги. Через секунду-другую монотонный мужской голос начал читать или повторять выученное наизусть:

– Перед вами будут стоять семеро мужчин. Каждый под своим номером. Если один из этих людей сделал что-то с вами или в вашем присутствии, хочу, чтоб вы назвали его номер. Запомните, только номер. Если вы захотите, чтобы кто-либо из них что-то произнес, какие-то определенные слова, мы заставим его сделать это. Если вы захотите, чтоб один из них повернулся к вам в профиль или спиной, вся группа должна повторить это движение. Скажите, вы узнаете кого-либо из этих людей? Если да, то что именно он сделал с

вами или в вашем присутствии?

Воцарилась тишина. Нервы у Стивена были напряжены до предела – и это несмотря на уверенность в том, что она его не выберет.

Наконец прозвучал тихий женский голос:

– На нем была шляпа.

Голос образованной женщины среднего класса, примерно его возраста.

– У нас есть шляпы. Хотите, чтоб все они надели шляпы? – спросил мужчина.

– Нет, скорее не шляпа, а кепи. Бейсболка.

Стив уловил в ее голосе волнение и одновременно решимость. И ни намека на фальшь. Голос женщины, которая говорит правду, пусть даже она взволнованна. И он почувствовал себя немного лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.